ВХ
491

П. В. Никольскій.

ЦЕРКОВНАЯ
И
ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

1905 ГОДЪ.

Ц. 35 к., съ перес. 40 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. В. Леонтьева, Басковъ переулокъ, д. 4.
1906.

253

2253

П. В. Никольскій.

ЦЕРКОВНАЯ
И
ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

1905 ГОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. В. Леонтьева. Басковъ переулокъ, д. 4.
1906.

ВХ
491

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ. 13 Сентября 1905 года.
Цензоръ, Соборный Іеромонахъ Александръ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
810
59

Церковная и общественная жизнь.

I.

Переживаемое общественное настроеніе.—Внѣшняя и внутренняя война.—Возможныя послѣдствія общественнаго движенія для Церкви. Проникновеніе его въ народныя массы. Одна изъ причинъ отчужденія отъ Церкви народа.—Признаки народной любви къ Церкви.—Опасенія за результаты начавшагося движенія для Церкви.—Ихъ крайность.—Особенная трудность въ положеніи церковныхъ дѣятелей среди противоположныхъ требованій—снисходительности и нетерпимости.—Новые законы—о необязательномъ соблюденіи церковныхъ праздниковъ и о разрѣшеніи брака прелюбодѣямъ послѣ развода.—Возбужденныя ими недоумѣнія.

Смутная пора—вотъ слова, которыми многіе церковные люди опредѣляютъ современное общественное настроеніе. Жизнь, отлившаяся въ опредѣленныя формы, какъ бы кристаллизовавшаяся, испытываетъ внутренній толчекъ, отъ котораго привычныя формы начинаютъ терять свою опредѣленность, кристаллы расплываются, чтобы подвергшись дѣйствію творческихъ силъ жизни, отлиться въ новыя или видоизмѣненныя формы. И часто мирному обывателю это созиданіе новыхъ формъ кажется крушеніемъ общественнаго благополучія. Наблюдая, какъ привычныя формы жизни подвергаются яростной критикѣ и фанатичному уничтоженію, онъ думаетъ, что стоитъ на краю пропасти. Уже четыре раза такія «смутныя эпохи» на Руси совпадали съ началами столѣтій, и каждый разъ имъ сопутствовали великія отечественныя войны. Смута лихолѣтія начала XVII вѣка, казалось, разсыпала въ прахъ созданіе московскихъ князей—собирателей; но прошла ея мутная волна, и Русь почувствовала себя болѣе сильною, чѣмъ при московскихъ царяхъ. Великій реформаторъ-царь такъ «замутилъ» мирную Русь Тишайшаго московскаго царя, что благочестивые москвичи съ искреннимъ убѣжденіемъ и непреодолимымъ ужасомъ увѣряли, что близко второе пришествіе Господа и что самъ Петръ—антихристъ. И рядомъ съ этимъ изнурительная, многолѣтняя война съ храбрыми и образован-

ными шведами, рядъ пораженій, финансовое оскуденіе, глухое недовольство массы. Но народный организмъ оказался сильнѣе этихъ бѣдъ, и великое творческое броженіе, вложенное въ него Преобразователемъ, вынесло Русь болѣе сильною, чѣмъ Русь XVII вѣка. Великая Отечественная война 1812 г. была третьимъ испытаніемъ страны. Это тоже «смутная пора», пора многихъ внѣшнихъ пораженій и внутренняго недовольства. Но изъ этой смуты Россія вышла побѣдительницей. Каждый разъ современники были слишкомъ близорукими и потому пристрастными судьями. Они наблюдали тревожные факты, видѣли гибель привычныхъ, освященныхъ вѣками обычаевъ; но они забывали, что жизнь когда-то создала эти обычаи на мѣсто болѣе древнихъ и что поэтому она способна создать и новыя формы жизни, если окажется, что теперешнія изветшали, отжили свой вѣкъ. Когда человѣкомъ овладѣваетъ мысль, что все кончено, что мы непремѣнно низвергнемся въ пропасть, если у насъ отнимутъ привычные, излюбленные нами обычаи, тогда надъ нимъ слѣдуетъ поставить крестъ: у него нѣтъ вѣры въ себя, а есть вѣра только въ формы жизни, и потому онъ не способенъ бороться съ успѣхомъ даже за сохраненіе этихъ формъ. Нѣтъ, слѣдуетъ прямо смотрѣть на жизнь, какъ она есть, т. е. какъ на непрекращающееся движеніе, и принимать въ ней дѣятельное участіе, стараясь отстоять и дать торжество тому, что считаешь вѣчнымъ въ перемѣнчивыхъ формахъ; а оханьями и восклицаніями можно запугать только и себя и другихъ.

На порогѣ XX вѣка мы переживаемъ ужасы кровопролитнѣйшей войны, постоянно читаемъ о гибели тысячъ русскихъ воиновъ. Но это бѣда внѣшняя, которая сама по себѣ не грозитъ бытію великаго государства. Гораздо опаснѣе та внутренняя война, которая совпала съ внѣшней, тѣ потрясенія во внутренней политикѣ, которыя переживаетъ Русь уже не первый годъ, но которыя усилились послѣ объявленія войны. Рознь партій во время войны усиливаетъ трудности военнаго времени и внушаетъ страхъ за исходъ самой войны. Не намъ произносить приговоры современному нестроенію; но нельзя оставаться и равнодушнымъ зрителемъ начавшагося движенія: какъ гражданинъ и членъ церкви, каждый задумывается надъ его возможными результатами. Какъ же относится къ нему общество, не то, которое представляется бойкими газетами, а

то, которое бойкіе публицисты хотятъ вывести на путь коренныхъ реформъ?

При чтеніи распространенныхъ газетъ выносишь впечатлѣніе, что настоящее движеніе — радостное событіе, начало свободной общественной самодѣятельности, ведущее къ уравненію всего населенія предъ закономъ. Когда эти мысли ежедневно расходятся въ сотняхъ тысячъ газетъ, выкрикиваются на улицахъ, площадяхъ и народныхъ собраніяхъ, то легко принять ихъ за голосъ народа, легко поддаться ихъ гипнозу и безъ критики стать ихъ приверженцемъ. Свободная общественная жизнь — чего же лучше? Пусть каждый куетъ свое счастье, не боясь стѣсненій, и всѣ работаютъ на благо общее.

Отчего же это упоеніе надеждами на общественную самодѣятельность далеко не всѣми раздѣляется? Отчего весьма многіе ревнители народнаго блага съ сомнѣніемъ и страхомъ смотрятъ на результаты этого движенія и думаютъ, что родина переживаетъ не обновленіе, а болѣзненный кризисъ? Причинъ для этого очень много. Но главная изъ нихъ въ сознаніи неизбѣжности узкой, партійной борьбы новаго съ старымъ, неизбѣжности фанатическаго преслѣдованія того, что освящено вѣками, что срослось съ народнымъ сознаніемъ. Благомыслящіе люди не безъ основанія думаютъ, что глашатаи свободы посягнутъ не на однихъ притѣснителей народа, а и на его истинныхъ радѣтелей, посягнутъ на его вѣрованія, на церковныя учрежденія и могутъ подорвать благосостояніе церкви. Повидимому, православныя христіанскія убѣжденія должны найти въ глашатаяхъ права и законности горячихъ защитниковъ. Но печальная дѣйствительность разрушаетъ теоретическое предположеніе. Борьба за свободу почти всегда идетъ объ руку съ враждою къ Церкви. Церковь представляется учрежденіемъ, поощряющимъ безправіе. Глубокая и гибельная ошибка, но она давно срослась съ настроеніемъ либеральной партіи. И только этимъ признаніемъ Церкви, какъ защитницы безправія, можно объяснить ту великую пропасть, которая отдѣлила интеллигенцію отъ Церкви. Весьма многіе представители Церкви, жизнь свою отдающіе на служеніе ближнему, и общественные дѣятели, работающіе на той же нивѣ, не могутъ слова сказать другъ другу просто, безъ взаимныхъ подозрѣній и недовѣрія. Г. Тернавцевъ, на одномъ изъ религіозно-философскихъ собраній въ Петербургѣ, указалъ причину этого

раскола въ томъ, что представители Церкви забываютъ землю съ ея интересами и призываютъ только къ небу, а представители интеллигенціи зовутъ только къ землѣ и не хотятъ знать о небѣ. Мысль вѣрная, но далеко не исчерпывающая предмета. Еслибы только въ этомъ была причина разлада, то онъ исчезъ бы при обмѣнѣ мнѣній. Но бѣда въ томъ, что нѣтъ и пока не можетъ быть этого обмѣна, такъ какъ церковные дѣятели считаютъ интеллигентныхъ дѣятелей врагами Церкви и всякаго порядка, а интеллигентные дѣятели видятъ въ духовенствѣ враговъ свободы и права. И вотъ мы наблюдаемъ уже давно систематическое замалчиванье либеральной печатью всѣхъ свѣтлыхъ явленій церковной жизни и выставленіе на показъ всѣхъ ея тѣневыхъ явленій. До сихъ поръ печать находила особенно частые поводы осмѣивать и унижать церковную народную школу, изощряя остроуміе надъ ея бѣдностью и низкимъ образовательнымъ уровнемъ ея учителей. Теперь можно ожидать нападеній и на другія церковныя учрежденія. Неудивительно поэтому, если церковные дѣятели со страхомъ смотрятъ на начавшееся движеніе, ожидая ломки священныхъ обычаевъ и установленій Церкви. Быть можетъ, вслѣдствіе этого они сами впадаютъ въ противоположную крайность, начинаютъ считать общественныхъ дѣятелей, всѣхъ безъ разбора, разрушителями, заботящимися не о благѣ общественномъ, а о личныхъ разсчетахъ. Заблужденіе столь же вредное, какъ и то, какого придерживается интеллигенція относительно церковныхъ дѣятелей. Нѣтъ, среди интеллигенціи не только много честныхъ дѣятелей, готовыхъ отдать жизнь свою на благо другихъ, но не мало и религіозно-настроенныхъ. Правда, вслѣдствіе взаимнаго непониманія, эта религіозная настроенность идетъ своимъ путемъ, отличнымъ отъ церковнаго, а иногда и враждебнымъ ему. И нѣтъ надежды быстро побѣдить это недовѣріе къ Церкви и ея дѣятелямъ. Оно росло вѣками и можетъ быть уничтожено долгимъ и упорнымъ трудомъ, даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Теперь же мы наблюдаемъ плоды недовѣрія и признаки равнодушія и борьбы съ Церковью.

Было время, когда движеніе, происходящее на верхахъ общественной жизни, не характеризовало народнаго настроенія. Народная масса была неспособна понять эти движенія, а тѣмъ болѣе принять въ нихъ участіе. Самое народничество было

непопулярно. И талантливый представитель народничества вѣрно отмѣтилъ это отношеніе интеллигенціи и народа.

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Тамъ вѣковая тишина.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ,
И выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью-землею,
Колосья безконечныхъ нивъ...

Тогда могло казаться и многимъ казалось, что столичный шумъ и словесная война касаются лишь вершинъ придорожныхъ ивъ, колеблемыхъ вѣтромъ. Но это былъ близорукій взглядъ. Устои народной жизни съ большимъ трудомъ поддаются воздѣйствію постороннихъ силъ. Но если это воздѣйствіе продолжается систематически много лѣтъ, если во главѣ этого воздѣйствія стоятъ живые люди, то и вѣковые устои могутъ поколебаться. Еслибы въ самыхъ этихъ устояхъ все обстояло благополучно, еслибы народная масса была поставлена въ простыя отношенія, полныя взаимнаго довѣрія къ своимъ прямымъ и призваннымъ руководителямъ — пастырямъ церковнымъ, тогда не страшны были бы никакія сторонніе воздѣйствія. Но такъ какъ наше пастырство стоитъ въ унизительной зависимости отъ способа своего обезпеченія, такъ какъ искони великое множество священниковъ дѣлается пастырями «не для Іисуса, а для хлѣба куса», то неудивительно, что сторонніе, иногда подпольныя, воздѣйствія начинаютъ приносить Церкви горькіе плоды. Къ сожалѣнію, школа народная до сихъ поръ служила проводникомъ этого воздѣйствія. Мы не думаемъ винить въ этомъ ея представителей, и чтобы не было неясности въ нашей рѣчи — скажемъ, что этимъ проводникомъ была и школа земская и школа церковно-приходская. Пусть онѣ обѣ исправно преподавали законъ Божій и ихъ учители чужды были мысли объ анти-церковной дѣятельности. Въ народной школѣ гораздо важнѣе другое. Школа разрушаетъ народные устои, если отдѣляетъ грамотную часть народа отъ неграмотной, если образуетъ своеобразную сельскую интеллигенцію, для которой идеалъ не земледѣльческій трудъ, а фабрика, городъ, желѣзнодорожная станція. Все это вѣрныя

средства отучить самою жизнью простого человѣка отъ храма, отъ потребности пойти на исповѣдь къ своему батюшкѣ, отъ того благочестиваго внѣшняго уклада жизни, къ какому искони привыкла русская деревня. Кое-какія поверхностныя знанія, полученныя въ школѣ, большею частію скоро испаряются изъ памяти. Но часто остается на всю жизнь сознаніе своего умственнаго превосходства надъ необразованной деревенщиной. Отсюда грубый критицизмъ ко всему, не сдерживаемый умственной дисциплиной. Отсюда довѣріе ко всякому критицизму, идущему со стороны. И никто уже теперь не скажетъ, что все это только налетъ, что все это скоро пройдетъ. Нѣтъ, очевидно, это глубокое измѣненіе въ настроеніи народа, не всеобщее, конечно, но весьма прочно привившееся къ части населенія. При дружныхъ совмѣстныхъ усиліяхъ общественныхъ и церковныхъ дѣятелей можно было бы снова ввести народное настроеніе къ привычному, исторически сложившемуся укладу. Но, при указанной выше розни между этими дѣятелями, такая задача представляется почти недостижимой. Церковнымъ дѣятелямъ, поэтому, придется признать совершившійся фактъ и соотвѣтственно этому организовать свою работу. На зародившійся критицизмъ по отношенію къ ученію церкви они должны пойти съ убѣжденнымъ словомъ вѣры, которое служитъ разсудочнымъ выраженіемъ благочестиваго настроенія и жизни.

Задача осложняется еще болѣе оттого, что населеніе, раньше прочно сидѣвшее въ своихъ ячейкахъ-приходахъ, теперь расплывается, растекается въ разныя стороны и нѣтъ надежды собрать его. Гдѣ приходъ въ городѣ? Есть-ли церковный приходъ въ селѣ, занимающемся отхожими промыслами? Мы читаемъ отчеты о петербургскихъ собраніяхъ, разсуждающихъ о приходѣ, и узнаемъ, что авторитетные дѣятели — профессоръ-канонистъ, профессоръ-пастырологъ и спеціалистъ по исторіи прихо да—никакъ не могутъ рѣшить, что нужно называть приходомъ. Это неудивительно, потому что прежнее, исторически сложившееся понятіе о приходѣ, обнимающее всѣ его религіозныя, нравственныя и экономическія нужды, теперь устарѣло. Прихода въ городѣ нѣтъ, исчезаетъ онъ и во многихъ селахъ. И только дружная, совмѣстная работа всѣхъ священниковъ даннаго города или мѣстечка можетъ охватить и направить ихъ религіозно-нравственную жизнь. А теперь весьма часто приходскій священникъ видитъ своего прихожанина разъ

ъ жизни, когда тотъ задумаетъ жениться и придетъ къ нему за документами.

Было бы, конечно, грубою ошибкой думать, что вся русская общественная жизнь характеризуется равнодушіемъ, а тѣмъ болѣе враждою къ Церкви. Процентъ церковныхъ отщепенцевъ до сихъ поръ незначителенъ сравнительно съ массою православнаго населенія. А это послѣднее любитъ Церковь, ея богослуженіе и ея св. подвижниковъ. Годъ тому назадъ мы были свидѣтелями сильнаго подъема этого церковнаго настроенія въ народѣ. Это было торжество открытія мощей преп. Серафима Саровскаго. Подпольная пропаганда постаралась внести смуту въ народное сознаніе, подорвать вѣру народа и въ св. подвижника и въ Церковь, намѣревавшуюся торжественно открыть его св. мощи. Пропаганда начинала дѣйствовать, народъ соблазнялся распространявшимися слухами, смущались многія благочестивыя сердца. Но величественное торжество открытія св. мощей и множество поразительныхъ чудесъ разогнали это сумрачное настроеніе. Нескончаемыя толпы богомольцевъ запрудили дороги Тамбовской и Нижегородской губерніи. И до сихъ поръ еще не улеглось это движеніе, и до сихъ поръ многочисленные паломники разносятъ отъ гробницы новоявленнаго чудотворца оживленную и укрѣпленную вѣру въ святость Церкви Православной. Мы указали на памятное всѣмъ русскимъ людямъ событіе. Но въ каждой губерніи происходятъ событія, свидѣтельствующія о томъ же церковномъ настроеніи, и только непривычкой къ рекламѣ объясняется ихъ мѣстный характеръ, незнаніе о нихъ въ другихъ мѣстахъ. Охранить и усилить это святое настроеніе есть дѣло помощи Божіей; но въ то же время это есть и задача церковныхъ дѣятелей. До сихъ поръ сила этого народнаго настроенія такъ подавляла значеніе церковнаго отщепенства, что позволяла легко смотрѣть на это послѣднее. Но теперь, когда отщепенство говоритъ о себѣ все сильнѣй и сильнѣй, такой легкій взглядъ преступенъ.

Отказъ отъ Церкви для народа былъ бы гибеленъ. Народники, сѣющіе вражду къ Церкви, не даютъ и не могутъ дать ему никакихъ положительныхъ религіозныхъ убѣжденій. Самое Евангеліе, которое они даютъ простолюдину вмѣсто церковной книги, у нихъ обращается только въ сборникъ нравоучительныхъ изреченій. Изъ него выпадаетъ то, что сдѣлало

его вѣчной книгой. Вотъ почему простолюдинъ, отказавшійся отъ Церкви, оказывается часто съ опустошенной душой, самымъ ужаснымъ нигилистомъ—не теоретикомъ, а практикомъ, безъ святыни душевной, способнымъ на всякое преступленіе. Это вызываетъ всегда опасеніе за результаты всякаго народнаго колебанія. Въ частности, такія опасенія высказываются и теперь. Съ пробудившимся стремленіемъ къ свободѣ многіе связываютъ усилившуюся въ народѣ преступность, особенно въ области религіозной жизни. «Буквально почти дня не проходитъ, чтобы въ телеграммахъ той или другой газеты, особенно изъ числа прославляющихъ шествіе «весны», не появлялось сообщеній все въ томъ же духѣ: осквернены Престолъ, похищены св. Дары, убиты двое, трое, даже восемь человѣкъ (т. е. при ограбленіи церкви), — устроена цѣлая бойня. Стали нападать даже на архіереевъ. И все это еще только при одномъ напоминаніи о близости «весны», о «зарѣ новой жизни», о «свѣтѣ»... Что же будетъ дальше?! Что будетъ, если, въ самомъ дѣлѣ, мы, народъ, до того обезумѣемъ, что вмѣстѣ съ газетными безумцами, завопимъ объ этой «зарѣ», объ этой «веснѣ»?! (С. Нилусъ. Москов. Вѣд.). Тотъ же авторъ въ другой статьѣ комментируетъ преступное похищеніе чудотворной Казанской Иконы Божіей Матери. Онъ говоритъ, что интеллегенція увидѣла въ этомъ происшествіи лишь доказательство исчезновенія суевѣрій въ народѣ, почему никакая де чудесная сила и не воспрепятствовала совершенію значительнаго злодѣянія. «А народъ говоритъ, что Царица Небесная попустила быть этому за то, что виновники святотатственнаго покушенія на Ея Курскую Икону не понесли должной кары за свое дерзкое преступленіе. Оскорбилась Пречистая, что въ странѣ православной и столь Ею облагодѣтельствованной возможно стало поруганіе, и даже безнаказанное, Ея изображеній, и отняла Свою *наиболѣе*, замѣтьте, прославленную чудотвореніями даже въ снимкахъ икону. Неутѣшною скорбью скорбятъ сердца вѣрующихъ и содрагаются предъ этимъ грознымъ знаменіемъ, а наши законники, не понимая народнаго горя и благоговѣйнаго страха предъ совершившимся, кропаютъ въ это время новыя статьи закона, по которымъ впредь такія оскорбляющія святѣйшее чувство народной вѣры злодѣянія должны будутъ разсматриваться, какъ простыя кражи. Такъ отозвались эти «руководители» народа

на его горе! Разномысліе поразительное и... зловѣщее для всего государства. (Моск. Вѣд. 1904, № 303, статья К. Икскуль). Идя далѣе въ тѣхъ же разсужденіяхъ, многіе самыя бѣдствія войны объясняютъ религіозной и нравственной расшатанностью общества. Воздухъ, говорятъ, зараженъ всякой мерзостью, всякими міазмами,— гроза неизбѣжна и спасительна. Это не банальная фраза: подъ ней лежитъ искреннее убѣжденіе въ ея правдѣ. Люди разныхъ званій и положеній считаютъ настоящую войну казнью Божіей за прегрѣшенія народа. Эти мысли мы читаемъ въ «словѣ» о. Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго), въ посланіи и отповѣди просвящ. Иннокентія, совершающаго свой архипастырскій подвигъ въ далекой Манчжуріи (Русск. Вѣстн. 1904, № 8), въ статьѣ Л. Тихомирова (Богосл. Вѣстн. 1904, № 10). Неудивительно, что громкій кличъ за полную свободу совѣсти, за свободу пропаганды всякой вѣры представляется многимъ за призывъ къ разрушенію Церкви. Преклоняясь предъ горячностью религіознаго чувства и ревностью по вѣрѣ, сказывающеюся въ этихъ опасеніяхъ, мы не можемъ однако согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Церковь не минутное созданіе, чтобы ее могъ разрушить напоръ многовѣрія или невѣрія. Она переживала и не такія испытанія. Быть можетъ и даже весьма вѣроятно, объявленіе свободы совѣсти повлечетъ на первыхъ порахъ къ частичнымъ безпорядкамъ, кощунственнымъ поступкамъ и открытымъ отпаденіямъ отъ нея. Это бѣдствіе Церкви, но не погибель и даже не начало гибели. Мы должны помнить исторію. А она говоритъ, что не въ первые только вѣка христіанства Церковь росла и усиливалась даже при гоненіяхъ. Наша русская церковь въ XVIII в. переживала періоды «стѣсненій». Опуская царствованія Петра I и Анны Іоанновны, припомнимъ «вѣротерпимое» царствованіе Екатерины II, освободившее магометанъ и буддистовъ отъ всякихъ стѣсненій, или религіозное теченіе въ эпоху Александра I, когда Церковь Православная была приравнена даже въ системѣ управленія къ лютеранскому исповѣданію и др. вѣрованіямъ. Въ свое время такое положеніе дѣла тоже внушало опасенія и, дѣйствительно, сопровождалось отпаденіями отъ Православія. Но зато такія эпохи выставляли и наиболѣе убѣжденныхъ дѣятелей Православія, и видимое стѣсненіе церкви имѣло оборотную сторону—внутренній ростъ церковнаго дѣла. Страш-

но производить эксперименты надъ церковною жизнью и грѣшно призывать испытанія на ни въ чемъ неповинныхъ вѣрующихъ людей. Никто и не дерзнетъ изъ членовъ Церкви на такіе опасные эксперименты, какъ ломка вѣры. Мы лишь допускаемъ фактъ, возможный при теперешнемъ настроеніи вліятельной части русскаго общества. И допуская этотъ фактъ, думаемъ, что онъ можетъ повести не къ посрамленію Церкви, а къ возрастанію и оживленію церковнаго дѣла. Жизнь подъ опекой, сознаніе, что дѣлу не угрожаетъ никакая опасность, не только успокаиваетъ, но и усыпляетъ даже убѣжденнаго дѣятеля. Сознаніе опасности заставитъ малодушныхъ уйти съ опаснаго мѣста, но воспламенитъ сильныхъ духомъ къ мужественной борьбѣ за вѣру и Церковь. Церковные дѣятели не упадутъ духомъ при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Вѣдь, они служители той Церкви, которой Основатель обѣщалъ вѣчное существованіе, предрекши ей побѣдоносную борьбу съ силами ада. Вѣра въ эту непобѣдимость Церкви, даже при слабости ея служителей, поддерживала всегда и поддержитъ тѣхъ, кто отдалъ свою жизнь на церковное служеніе. Въ то время, когда въ душу закрадывается сомнѣніе въ успѣхѣ, когда малодушіе начинаетъ одолѣвать чувство мужества, христіанинъ найдетъ успокоеніе въ молитвѣ. «Утвержденіе на тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжалъ еси честною Твоею кровію».

Но въ этой борьбѣ съ антицерковнымъ движеніемъ, которая ведется уже давно и которой, быть можетъ, предстоитъ пережить особенно рѣзкую форму, есть одна сторона дѣла, неожиданно осложняющая ее. Среди отрицателей и критиковъ Церкви и ея ученія есть не одни враги, а и люди, сомнѣвающіеся тяготящіеся своимъ разладомъ съ Церковью, смущающіеся, отъ одного непониманія Церкви или отъ обрядовыхъ и дисциплинарныхъ особенностей церковной жизни. Съ такими людьми нужна не борьба, а самое снисходительное, нѣжное обхожденіе, — обхожденіе матери къ малымъ дѣтямъ. Святоотеческая письменность даетъ много примѣровъ такого обхожденія. Припомнимъ, какъ относился св. Василій Великій къ духоборцамъ. Рѣшительный противникъ аріанства духоборчества, какъ ереси, не побоявшійся угрозъ императора Валента, онъ понималъ, что среди духоборцевъ много и слабыхъ духомъ людей, которыхъ соблазняетъ не ученіе о Бо-

жествѣ Св. Духа, а только непривычное слово о Богѣ-Духѣ, и онъ *уступалъ* имъ это *слово*, если зналъ, что они принимаютъ самое ученіе, т. е. вѣруютъ одинаково съ православными. То же дѣлалъ св. Аѳанасій Великій, принимая въ Церковь полуаріанъ съ самою снисходительною предупредительностью. Это любвеобильное и мудрое снисхожденіе практиковалось часто въ исторіи Церкви, и, напр., наше Единовѣріе есть одно изъ выраженій такой снисходительности. Но вотъ здѣсь то и открывается источникъ того осложненія дѣла, о которомъ упомянуто выше. Члены Церкви, ревностно исповѣдующіе ея ученіе и слѣдующіе ея установленіямъ, часто не хотятъ знать такой снисходительности, они даже соблазняются ею. Наше Единовѣріе вызывало чувство смущенія не въ одной православной душѣ. И теперь, когда церковные дѣятели чутко прислушиваются къ запросамъ времени, то уже одно это вызываетъ порицанія въ ревнителяхъ Церкви. Припомнимъ, какъ осуждали недавно епископовъ и священниковъ за ихъ участіе въ Петербургскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ. И это несмотря на рѣшительное и открыто высказанное преосвященнымъ Сергіемъ заявленіе, что они пришли на эти собранія не для уступокъ и компромиссовъ, что они останутся при своемъ православномъ убѣжденіи. Примѣровъ такого нетерпимаго отношенія къ дѣлу можно бы подыскать множество. Оно доходитъ до требованія говорить стереотипнымъ, полуславянскимъ языкомъ о вопросахъ вѣры и не спускаться до живой рѣчи. Вотъ, для примѣра, выразительная цитата. «Къ великому прискорбію, у насъ ко всему теперь относятся легкомысленно и поверхностно. Съ глубокимъ смущеніемъ и негодованіемъ смотрятъ истинно-вѣрующіе православные люди на допущенныя уже у насъ отступленія и на непонятный въ дѣлахъ вѣры индифферентизмъ. Мы присоединяемъ лютеранъ къ православію лишь чрезъ муропомазаніе, а между тѣмъ ихъ церковь, какъ не имѣющая законной преемственности, должна считаться безблагодатною. Какимъ же образомъ мы признаемъ правильнымъ ихъ крещеніе, совершенное лицомъ, не имѣющимъ права совершать таинства? Впрочемъ, мы и безпоповцевъ даже не перекрещиваемъ, и такимъ образомъ, или признаемъ за таинство крещеніе, совершенное «дѣдомъ», или отрицаемъ необходимость крещенія... Опредѣленіемъ одного изъ вселенскихъ соборовъ установлено отлу-

чать отъ Церкви православныхъ, лѣчащихся и принимающихъ лѣкарства отъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Нашъ гражданскій законъ допустилъ евреевъ быть докторами и аптекарями, и, думаю, рѣдко кто изъ насъ не обращался къ доктору еврею и не покупалъ лѣкарства въ еврейской аптекѣ. И никто не позаботился ни о томъ, чтобы предостеречь, оградить насъ отъ закона, идущаго въ разрѣзъ съ нашими церковными канонами, ни о томъ, что бы снять съ насъ церковную анаѳему. И почемъ мы знаемъ, подъ какія анаѳемы и еще не подведены мы небреженіемъ тѣхъ, кому подобаетъ стоять на стражѣ. А церковная клятва можетъ быть ничѣмъ лишь для невѣровъ, для вѣрующихъ же это страшное и не отвлеченное что либо, но вполнѣ реальное по своей силѣ и дѣйствію обстоятельство. Мы безъ всякаго побужденія измѣнили отношеніе Церкви къ самоубійству и предаемъ ихъ нынѣ, вопреки древнему постановленію, церковному погребенію и даже поминаемъ на литургіи. Вопросъ, который едвали могъ быть рѣшенъ пятью—шестью лицами, засѣдающими въ Синодѣ. Съ недоумѣніемъ и смущеніемъ видятъ православные люди наше странное отношеніе къ святѣйшему и величайшему таинству Св. Причащенія. У насъ открытый невѣръ, даже безо всякой подготовки и говѣнія, приступаетъ къ Причащенію, потому что ему нужна отмѣтка, что онъ былъ у исповѣди; лицо открыто и вѣдомо для всѣхъ живущее въ прелюбодѣйной связи или даже занимающееся профессіей подобнаго рода, «ничтоже сумняся», идетъ на исповѣдь и приступаетъ къ Причащенію, возвращаясь затѣмъ отъ св. Чаши прямо къ своей жизни прежней и профессіи. Почему же дѣлается такъ? «Изъ любви. У насъ все должно истекать изъ любви», по большей части слышится отвѣтъ. Ахъ, мы такъ «изгуманничались» на современный ладъ, что совершенно утратили понятіе объ истинно-христіанской любви! Апостолъ Павелъ говоритъ, что причащающійся недостойно «судъ себѣ ястъ и піетъ», а мы подводимъ его подъ этотъ судъ. Нѣтъ, это попустительство, невѣріе, индифферентизмъ, небреженіе, назовите, какъ хотите, но только не христіанская любовь. Подобное говѣніе не похоже ли на то, какъ дать пощечину человѣку, попросить у него по какимъ-либо соображеніямъ извиненія, съ твердымъ намѣреніемъ, едва получивъ его, сейчасъ же снова занести руку и оскорбить его дѣйствіемъ? И какой результатъ получается отъ та-

кого попустительства? Люди вѣрующіе и серіозные возмущаются и страшатся, до чего еще дойдетъ у насъ попустительство, а легкомысленныя и малосвѣдующія въ Законѣ Божіемъ сами привыкаютъ относиться къ этому таинству, какъ къ чему то очень легкому, не требующему отъ человѣка ничего серіознаго» (К. Икскуль. Москов. Цер. 1904, № 303). Въ приведенной тирадѣ не все справедливо, но нельзя отказать ей въ искренности. Вѣрующая душа смущена многими странными для нея явленіями церковной жизни и общимъ ихъ смысломъ—какою то неопредѣленностью, расплывчатостью церковныхъ требованій. Церковный канонистъ отвѣтитъ на эту филиппику, что въ Церкви неизмѣнно догматическое ученіе, а обряды и дисциплина церковная всегда подвергались измѣненіямъ, соотвѣтственно историческимъ обстоятельствамъ. Это неопровержимый фактъ. Но для мірянина, даже образованнаго, этотъ фактъ еще далеко не признанный. Это во первыхъ. А во вторыхъ, мірянинъ вѣрующій ждетъ, требуетъ, чтобы всякое измѣненіе въ церковной практикѣ было оглашено въ законной формѣ, авторитетными представителями Церкви. А нельзя отрицать, что за такъ называемый usus въ Церкви считаются иногда такія отступленія отъ основъ Евангелія, которыя вызываютъ справедливое осужденіе. Достаточно сослаться на приведенное выше отношеніе къ таинству Причащенія...

Итакъ церковные дѣятели стоятъ между двумя полюсами—сторонниками полной религіозной свободы и ревнителями отеческихъ преданій (грѣхъ называть всѣхъ ихъ фарисеями,—среди нихъ много глубокорелигіозныхъ людей). Стоять твердо на церковной почвѣ, не спускаться до унизительныхъ компромиссовъ въ вопросахъ вѣры и до узкой нетерпимости, отталкивающей отъ Церкви мятущееся самомнѣніе,—это такая трудная задача, которую можно выполнить только съ великимъ трудомъ, при помощи Божественной благодати.

Истекшій годъ возбудилъ въ этомъ отношеніи смущеніе двумя распоряженіями. Первое—это отмѣна закона объ обязательномъ празднованіи дней, признанныхъ церковными праздниками. Это распоряженіе было сдѣлано по иниціативѣ свѣтскаго правительства. Мотивомъ для него послужила мысль, что многочисленные церковные праздники, особенно въ лѣтнее время, проводятся крестьянами въ пьяномъ разгулѣ, отры-

вая сельскій людъ отъ производительнаго труда. Св. Синодъ въ своемъ распоряженіи выяснилъ, что указаннымъ закономъ праздники не отмѣняются, а лишь уничтожается ихъ внѣшняя принудительность и, кромѣ того, выяснилъ, что здоровый трудъ даже въ праздникъ полезнѣе пьянаго бездѣлья. Въ чемъ же смущеніе? Во первыхъ въ томъ, что инициатива закона о церковныхъ праздникахъ исходила не отъ Церкви, а отъ комитетовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства. Во вторыхъ, этимъ закономъ уже съ успѣхомъ воспользовались лица, для которыхъ Церковь съ ея установленіями только излишняя обуза и которые по меньшей мѣрѣ равнодушны къ ней. Такъ, въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ особенно много сельскихъ хозяевъ нѣмецкаго и еврейскаго происхожденія, заключались уже своеобразныя сдѣлки съ рабочими—съ условіемъ работать непремѣнно и въ праздничные дни. Такъ сталъ примѣняться къ жизни законъ о свободномъ, непринудительномъ праздноваиіи церковныхъ праздниковъ. Поэтому и возникаетъ серьезное опасеніе, какъ бы этотъ законъ, направленный къ поднятію трудоспособности крестьянина, не отдалъ его въ окончательную кабалу капиталистамъ и не послужилъ систематическимъ средствомъ къ отвлеченію рабочаго человѣка отъ церковнаго богослуженія, а слѣдовательно и отъ Церкви.

Гораздо болѣе вызвалъ недоумѣній другой законъ, позволяющій прелюбодѣямъ, послѣ развода съ ихъ женами, вступать въ новый бракъ. Нужно сознаться, что духовная печать очень слабо отозвалась на этотъ законъ. Мы, по крайней мѣрѣ, прочитали только въ «Православно-Русскомъ Словѣ» краткое, но рѣшительно-отрицательное сужденіе объ этомъ законѣ. Что касается свѣтской печати, то и здѣсь мы встрѣтили въ общемъ сдержанное отношеніе къ новому закону. Только въ «Новомъ Времени» г. Розановъ привѣтствовалъ его, какъ начало новаго, свободнаго законодательства о бракѣ. Это и не удивительно: до сихъ поръ г. Розановъ болѣе всего ратовалъ противъ нерасторжимости брака и запрещенія разведенному прелюбодѣю вступать въ новый бракъ. Два тома его «Семейнаго Вопроса» посвящены этому вопросу и потому онъ имѣетъ основаніе даже думать, что самый законъ вызванъ въ значительной мѣрѣ его горячими статьями. Другія газеты «привѣтствовали» новый законъ, но какъ то нерѣшительно, а «Русское Слово» даже вышутило и г. Розанова и возможныя

послѣдствія закона. Причина такой сдержанности указана въ «Москов. Вѣдомостяхъ» проф. А. И. Введенскимъ. Люди либеральные недовольны имъ, потому, что новый бракъ можетъ быть совершенъ только послѣ продолжительной, многолѣтней эпитеміи, которой они совершенно не признаютъ по самому существу. Люди церковные смущенно толкуютъ его, какъ противорѣчіе ученію Новаго Завѣта о незаконности брака для прелюбодѣевъ. Послѣдняя мысль высказана и въ статьяхъ г. А. Кирѣева. Мы воспользуемся здѣсь выраженіемъ этой же мысли въ «Извѣстіяхъ» Братства Православной Церкви, издающихся въ Китаѣ (№ 11) и перепечатанныхъ въ Московскихъ вѣдомостяхъ (№ 296). Указавши на ученіе о нерасторжимости брака (Мѳ. **19**, 6; 1 Кор. **7**, 39), изданіе продолжаетъ: «мужъ, виновный въ прелюбодѣяніи, уже мертвъ для *брака* въ церковномъ смыслѣ этого слова. Какъ же онъ опять является въ качествѣ законнаго избранника для супружеской жизни? Невольно задумаешься надъ тѣмъ, въ какое тяжелое положеніе ставятся пастыри Церкви, которымъ теперь придется совершать таинство брака при небывалыхъ условіяхъ: придется всенародно благословлять открытыхъ прелюбодѣевъ на продолженіе незаконнаго сожитія, и дальше оно уже является какъ бы законнымъ. Кому понадобилась такая «новая» статья закона? Своевольнымъ преступникамъ, необузданнымъ развратникамъ? Но Церковь святая зачѣмъ привлекается къ потворству въ разрушеніи семейнаго союза православныхъ? Какой отвѣтъ дадимъ мы вопрошающимъ насъ о святости церковнаго брака? Народъ Русскій изстари усвоилъ браку названіе закона,— говорятъ: «законъ совершить», а теперь какъ онъ назоветъ новые браки по ст. 253-й? Мы, призванные здѣсь, въ чужой странѣ, блюсти святость догматовъ Православной Вѣры, смущаемся при мысли о новомъ законѣ, не имѣемъ основаній для оправданія его предъ людьми, даже недавно отставшими отъ язычества; мы покрываемся стыдомъ, ужасаемся за послѣдствія, къ которымъ неминуемо ведетъ примѣненіе новаго закона. То болѣзненное чувство, которое приходится испытывать при чтеніи 253 статьи въ ея новой редакціи, усиливается еще неожиданностью появленія ея, такъ какъ до опубликованія ея она не была сообщена россійскимъ іерархамъ для отобранія ихъ авторитетнаго мнѣнія по этому вопросу».

Вотъ мысли, высказанныя въ такихъ изданіяхъ и такими лицами, которыхъ никто не заподозритъ въ отрицательномъ, враждебномъ отношеніи къ Церкви. Кажется, горячность въ критикѣ второго закона вызывается недостаточнымъ вниманіемъ къ тѣмъ вопіющимъ бѣдствіямъ, которыя происходятъ при наличномъ брачномъ законодательствѣ. Чтеніе названной выше книги г. «Розанова, вскрывающей эти бѣдствія, производитъ впечатлѣніе тяжелаго кошмара, отъ котораго обществу необходимо избавиться. Пусть здѣсь краски сгущены, но и тѣхъ неопровержимыхъ, удостовѣренныхъ фактовъ, какіе приводятся въ книгѣ, вполнѣ достаточно, чтобы ждать реформъ. Но съ того ли конца начаты реформы, съ какого слѣдовали бы,— вотъ вопросъ, отвѣтить на который утвердительно едва ли можетъ и ихъ глашатай— г. Розановъ. Въ сущности, та нравственная грязь, съ которой неизбѣжно сопряженъ бракоразводный процессъ, осталась въ силѣ и послѣ новаго закона. А она то больше всего вліяла на тягость семейной жизни при открывшемся разладѣ и даже при открытомъ прелюбодѣяніи супруговъ. Вопросъ о позволительности брака для признанныхъ прелюбодѣевъ, если и могъ бы быть возбужденъ, то уже послѣ упорядоченія бракоразводнаго процесса. Мы высказываемъ эти сужденія въ качествѣ члена Церкви. Быть можетъ, они окажутся неосновательными съ точки зрѣнія научно-канонической. Будемъ ждать разрѣшенія этихъ недоумѣній нашими академическими журналами.

II.

Свидѣтельствуютъ ли современныя общественныя движенія о нашемъ національномъ ростѣ. Событіе 9 января. Земскія собранія. Отношеніе къ общественному движенію духовенства. О. Гапонъ. Какъ долженъ вліять пастырь на общество и относиться къ власти?

Годъ тому назадъ, когда только началась война, А. С. Суворинъ въ своихъ «Маленькихъ письмахъ» говорилъ, что мы страшно выросли въ политическомъ національномъ смыслѣ сравнительно, напр., съ 1877 — 8 г.г., когда Россія вела войну съ Турціей. Подтвержденіе этой отрадной мысли публицистъ находилъ въ многочисленныхъ патріотическихъ манифестаціяхъ, ознаменовавшихъ начало войны. Но много видавшій на своемъ вѣку издатель «Новаго Времени» ошибся, какъ ошиблись массы русскихъ людей. Патріотическія манифестаціи скоро кончились. За ними началось нетерпѣливое ожиданіе побѣдъ. А когда такихъ побѣдъ не послѣдовало, то обнаружилось или равнодушіе къ войнѣ, или нареканія за войну на правительство. Въ годину, когда русская нація терпѣла униженія отъ внѣшняго врага и обагрялась кровью своихъ сыновъ, не видно было подъема сознанія національнаго единства. Напротивъ, въ странѣ подняли голову и нашли широкую поддержку народности враждебныя Россіи. Интеллигентная Россія требовала реформъ, видя причину нашихъ неудачъ въ государственномъ неустройствѣ. И начало реформъ было провозглашено Высоч. Указомъ 12 декабря 1904 г. Широта начертанной въ Указѣ программы реформъ должна бы удовлетворить запросы искреннихъ русскихъ гражданъ. Но на дѣлѣ вышло иное. Рядомъ съ вѣрноподданными, искренно желавшими мирныхъ реформъ, работали разрушители государственнаго строя. Если для первыхъ война оказалась экзаменомъ, обнаружившимъ наши недостатки, то для вторыхъ она была удобнымъ поводомъ поднять революціонное движеніе. Еще въ самомъ началѣ войны извѣстный издатель заграничнаго революціоннаго «Освобожденія» призывалъ своихъ единомышленниковъ поднять внутреннюю смуту въ тылу русской арміи. Кровавымъ результатомъ такой разрушительной

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук

работы были печальныя событія 9 января. Они оплаканы русскими гражданами; но и до сихъ поръ ихъ понимаютъ неодинаково. Между тѣмъ на этихъ событіяхъ ярко сказалась наша славянская рознь, наше неумѣніе сплотиться въ трудную минуту жизни. Одни винятъ во всемъ власть, другіе во всемъ винятъ либераловъ. И тѣ и другіе забываютъ, что народная волна, прокатившаяся 9 января по улицамъ Петербурга, была поднята многими внѣшними и внутренними причинами. И среди агитаторовъ толпы рядомъ съ врагами Россіи шли люди, болѣвшіе сердцемъ за ея недуги. Говорить, что все это враги Россіи,—несправедливо. Но справедливо говорить, что это толпа, а не граждане, ясно понимающіе, чего они хотятъ и къ чему приведутъ ихъ поступки. Справедливо говорить, что національно мы совсѣмъ не выросли послѣ 1877—78 г.г. Народная толпа, заполнившая 9 января улицы Петербурга, состояла, сравнительно говоря, изъ развитой части общества. Петербургскій фабричный развитѣе хлѣбопашца,—мы не говоримъ уже о вожакахъ толпы. Но посмотрите на наши земскія собранія, составляющія адресы и петиціи о государственномъ переустройствѣ. Больше ли въ нихъ развитого національнаго чувства? Тонъ этихъ петицій таковъ, что исполненіе ихъ ставитъ власть въ унизительное положеніе исполнителя, а не законодателя. А когда находятся лица, имѣющія мужество протестовать противъ этихъ адресовъ—какія дикія сцены начинаются въ залахъ собраній? Какимъ низкимъ клеветамъ подвергаются эти мужественные люди? Начинается нелѣпое обвиненіе въ прислуживаніи властямъ, въ низкихъ разсчетахъ. Не принимаютъ того въ разсчетъ, что теперь итти противъ либеральнаго теченія гораздо опаснѣе даже для личной безопасности, чѣмъ бѣжать въ ногу съ моднымъ теченіемъ. Теперь мужественные консерваторы одиноки, потому что ихъ единомышленники прячутся до болѣе удобнаго времени. Тяжесть положенія увеличивается оттого, что печать вся въ рукахъ либеральныхъ дѣятелей. Почему? Развѣ совсѣмъ нѣтъ идей для консервативныхъ изданій? Нѣтъ, идеи есть, но онѣ не въ модѣ. Бойкія газеты ловятъ минуту, модное настроеніе. Идеи же консерватизма теперь «несвоевременны». Они войдутъ въ моду, когда общество почувствуетъ оскомину, испытаетъ результаты незрѣлыхъ реформъ, которыхъ теперь жаждетъ большинство, но въ подготовленіи къ кото-

рымъ участвуетъ только сходками и демонстраціями. Недавно на одномъ провинціальномъ земскомъ собраніи былъ прочитанъ адресъ съ требованіемъ государственнаго переустройства. Изъ 52 членовъ собранія нашелся одинъ — купецъ Б., который сказалъ, что собраніе, ратующее въ адресѣ за правовой порядокъ, за принципъ законности, адресомъ само нарушаетъ этотъ принципъ, такъ какъ законъ воспрещаетъ подобные адресы. Но, кромѣ этого, собраніе, требующее участія земства въ законодательной работѣ, до сихъ поръ безсильно рѣшить и упорядочить несложныя экономичныя нужды провинціи,—способно ли оно на дѣлѣ къ государственной работѣ? Отвѣтомъ на эти рѣчи послужило сначала молчаніе, а потомъ неистовые свистки и шиканье «публики» (общества)? И за мужественнаго консерватора высказались только два члена собранія. Какой, говорятъ, провалъ! Да, провалъ для *толпы* изъ 48 лицъ, потому что годъ тому назадъ почти та же корпорація составляла адресъ съ другимъ содержаніемъ!.. Гдѣ же развитіе политическаго и общественнаго сознанія?

Быть можетъ, это свѣтская публицистика, которой не должно быть мѣста въ духовномъ изданіи? Но какъ отдѣлить въ себѣ гражданина отъ члена Церкви? Наши архипастыри, преосв. Сергій и Антонинъ, такъ искренно и правдиво оплакивающіе печальную годину, перестаютъ ли отъ того быть церковными дѣятелями? Нѣтъ, ясное сознаніе переживаемой минуты идетъ у нихъ рядомъ съ пониманіемъ своего церковнаго призванія. Въ ихъ правдивыхъ рѣчахъ мы находимъ гораздо больше и гражданскаго и церковнаго сознанія, чѣмъ въ злободневныхъ фельетонахъ свящ. Г. Петрова. Послѣдній, обвиняя духовенство въ сонливости, призываетъ его сказать свободное слово, не связанное никакими соображеніями посторонняго свойства. Желаніе справедливое. Духовенство должно вліять на общественную жизнь, но въ мотивахъ и средствахъ дѣятельности не должно прибѣгать къ обычнымъ уличнымъ средствамъ. Когда мы читали первыя книжки о. Петрова, то думали, что онъ правильно понимаетъ задачи пастырскаго служенія, отправляясь отъ вѣчныхъ принциповъ и служа только имъ. Но теперь мы не видимъ въ статьяхъ о. Петрова пастырскаго голоса — такъ сливаются они по тону и пріемамъ съ фельетонами гг. Дорошевича, Яблоновскаго и др. И когда читаешь призывъ о. Петрова къ свободному слову, не свя-

занному посторонними соображеніями, то невольно начинаешь думать, что это односторонній призывъ — къ либеральному слову въ избитомъ, узкомъ его значеніи. Это все тотъ же походъ противъ «режима», какой мы находимъ и у свѣтскихъ публицистовъ. Это партійная публицистика, не соотвѣтствующая званію православнаго пастыря. Граница между пастырской и свѣтской публицистикой, конечно, весьма тонкая и не для всѣхъ ясная. Но ее необходимо знать и помнить, чтобы вмѣсто христіанскаго пастыря не явиться политическимъ агитаторомъ.

Яркій примѣръ такого агитаторства показалъ во время безпорядковъ 9 января о. Гапонъ. Теперь преждевременно или—лучше—несвоевременно говорить о личныхъ качествахъ этого священника: сочувствующіе его дѣятельности будутъ хвалить его натуру, осуждающіе—порицать. Для насъ въ настоящемъ случаѣ важенъ характеръ его участія въ безпорядкахъ. Онъ велъ толпу, зная, къ чему ведетъ ее, понимая, что польется кровь. Онъ шелъ съ требованіемъ государственныхъ реформъ, съ вызовомъ правительству. Когда возникаетъ разговоръ о 9 января, то многіе удивленно спрашиваютъ, какъ это могъ сдѣлать православный священникъ? Была попытка объяснить это странное участіе священника его не русскимъ, чуть-ли не итальянскимъ происхожденіемъ. Попытка наивная, даже смѣшная, но характерная: очевидно, въ наше сознаніе еще не укладывается мысль, чтобы священникъ былъ агитаторомъ. Другіе говорили, что о. Гапонъ и по прошлой своей жизни не похожъ на духовнаго, а скорѣе—на агитатора. Въ сущности и въ этомъ объясненіи тотъ же смыслъ: русскій священникъ немыслимъ въ качествѣ политическаго агитатора. Значитъ, въ сознаніи русскаго общества, быть можетъ, не вполнѣ отчетливо, но живетъ представленіе о политическомъ идеалѣ пастыря. Во всякомъ случаѣ это не пассивная только сила, способная служить всякому политическому порядку. Если бы идеальный пастырь представлялся только пассивною силою, тогда народное чувство не плѣнялось бы образами пастырей, пострадавшихъ въ борьбѣ за правду противъ силы. Св. Филиппъ Московскій одинъ изъ свѣточей русской Церкви, вызывающій не менѣе благодарныя и глубокія чувства народныя, чѣмъ св. Петръ и Алексѣй. А онъ пострадалъ за своихъ пасомыхъ, защищая ихъ отъ Грознаго царя.

Итакъ гдѣ же грани, отдѣляющія пастыря отъ демагога? Мы можемъ для уясненія дѣла припомнить другой примѣръ— ихъ исторіи Византіи. І. Златоустъ несправедливо отправляется въ заточеніе. Онъ стоялъ за народное благо противъ несправедливостей сильныхъ міра. Естественно, что любившая его чернь готова была съ оружіемъ въ рукахъ защитить любимаго пастыря. Но св. Іоаннъ умолилъ толпу отпустить его, чтобы сохранить порядокъ и предотвратить бѣдствія буйства. И толпа послушала пастыря: порядокъ не былъ нарушенъ. Смыслъ этого событія ясенъ. Христіанскій пастырь, являясь общественнымъ дѣятелемъ, проповѣдуетъ вѣчныя идеи добра и правды, но не прибѣгаетъ къ обычнымъ земнымъ средствамъ ихъ осуществленія и во всякомъ случаѣ добивается цѣлей своего служенія безкровнымъ путемъ. Многимъ такой путь кажется пассивнымъ и во всякомъ случаѣ слишкомъ медленнымъ, а поведеніе пастырей бездѣятельнымъ. Но не христіанскому пастырю ждать скороспѣлыхъ результатовъ и не ему надѣяться на ихъ прочность. Онъ видитъ, какъ часты смѣны направленій, и знаетъ, что и его участіе будетъ безплодно, если онъ будетъ служить времени, а не вѣчности. Но и помимо этого, христіанскій пастырь знаетъ, что «инъ есть сѣяй и инъ есть жняй», и потому, сѣя добро и правду, о результатахъ своей работы молится словами — «да будетъ воля Твоя!» Вотъ почему не шумна общественная дѣятельность многихъ истинныхъ пастырей—она не злободневна. Вотъ почему пастыри не были демагогами. Они работали надъ мирной революціей, вѣря, что общественное благоустройство прочно тогда, когда зиждется на внутреннемъ, душевномъ переустройствѣ людей. Что же касается государственнаго порядка, то въ немъ они видѣли и цѣнили прежде всего залогъ, обезпеченіе мира. Апостолъ проситъ своего преемника по пастырству—Тимофея—молиться за царя и за всѣхъ, иже во власти суть,—да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. И замѣчательно, что говорилъ это тогда, когда царемъ былъ Неронъ, зная жестокость его царствованія. Такъ и святитель Филиппъ былъ вѣрноподданнымъ Грознаго, хотя и обличалъ его безчеловѣчіе къ подданнымъ. И тамъ и здѣсь мысль одна: власть необходима, потому что безъ нея неизбѣжна анархія, ужасы которой разрушатъ все мирное теченіе общественной жизни. Такимъ об-

разомъ христіанскій пастырь признаетъ власть «не за страхъ, а за совѣсть», понимая что въ условіяхъ земной дѣйствительности власть есть Божье дѣло, какъ охрана общественнаго мира. Дѣятельность о. Гапона показала, что онъ не выносилъ этой идеи пастырства и потому такъ изумилъ русскихъ людей, спрашивавшихъ: какъ могъ сдѣлать это священникъ? Дай Богъ, чтобы все русское духовенство, которое не можетъ оставаться равнодушнымъ къ общественнымъ бѣдствіямъ и настроеніямъ, явилось подражателемъ великихъ образцовъ пастырства—св. ап. Павла, св. І. Златоуста, св. Филиппа!

И въ настоящую печальную годину призваніе пастырей не въ агитаторской работѣ, а въ революціи духовнаго сознанія. Вѣрующіе люди видятъ въ событіяхъ политической и общественной жизни Россіи Божіе испытаніе, даже казнь Божію. Если можно объяснять политическимъ неустройствомъ бѣдствія и неудачи войны, то какъ объяснить цѣлый рядъ бѣдствій стихійнаго свойства, каковы—холера, чума? Какъ объяснить вѣрующему человѣку, что приближеніе русской эскадры къ Мадагаскару совпадаетъ со страшными явленіями вулканическаго свойства? Почему именно теперь свирѣпствуютъ страшные циклоны, разрушающіе города? Божья кара — говоритъ вѣрующій человѣкъ. О. Петровъ, написавшій новогодній фельетонъ «Мене, текелъ, пересъ»—тоже толкуетъ текущія событія, какъ Божій судъ надъ Россіей. Но, право, въ его статьѣ я не увидѣлъ того «мистицизма», т. е. проще прозрѣнія или ощущенія Божія суда, какое хотѣлось бы увидѣть въ рѣчи священника. Его рѣчь—только политическій фельетонъ, нѣсколько подкрашенный библейскимъ символомъ. Простое вѣрующее чувство говоритъ больше, чѣмъ этотъ бойкій фельетонъ, критикующій недостатки существующаго строя. Не закрывая глазъ предъ этими недостатками, пастырь долженъ обратить главное вниманіе на тѣ болѣзни духовныя, которыя лежатъ въ ихъ основѣ, и призвать вѣрующихъ на путь раскаянія въ грѣхахъ немощной совѣсти.

III.

Мысли о. Г. С. Петрова объ участіи духовенства въ современномъ движеніи. Ихъ односторонность. Ея причина: политическая партійность автора. Желательно ли политиканство среди православныхъ пастырей?—Мысли о современномъ положеніи власти, Церкви и народа, изложенныя въ воззваніи «кружка русскихъ людей». Возможное отношеніе къ нимъ духовенства. Желательность усиленія общественной, а не политической дѣятельности духовенства.

«Въ жизни и такъ много путаницы, лжи и всякой извращенности. Если мы ихъ перенесемъ и въ наши слова, которыя признаемъ «отъ лица Божія», то развѣ въ жизни отразится когда-нибудь чистый ликъ Бога и Божіей правды? И развѣ люди не въ правѣ будутъ не вѣрить нашимъ словамъ? Берегите же святость слова, произносимаго отъ лица Божія. «Духа не угашайте, пророчества не уничижайте». Не унижайте, не убивайте и безъ того уже достаточно убитое довѣріе къ своему слову» (Р. Слово 1905, № 28). Это обращеніе свящ. Г. Петрова къ пастырямъ. Это призывъ — стоять на стражѣ вѣчныхъ истинъ и не служить временной скоропреходящей политикѣ, цѣли которой часто не согласны съ вѣчными истинами. Неоднократно высказываетъ эту мысль о. Петровъ. Ярко она выразилась въ его статьяхъ—«Отставка Комба», гдѣ католическое духовенство обвиняется именно въ политиканствѣ, въ борьбѣ съ республиканскимъ правительствомъ. И хотя политика Комба, на нашъ взглядъ, носила не только антикатолическій, но и прямо антихристіанскій характеръ, но во взглядѣ на католическое духовенство о. Петровъ правъ: оно замѣшало религію въ грязь будничныхъ интересовъ, сдѣлало ее орудіемъ политики. Религія, а слѣдовательно и ея представители должны быть глашатаями вѣчности, стараясь водворить въ настоящей жизни вѣчную истину, не затемненную грязью жизни.

Выходя изъ такихъ взглядовъ, о. Петровъ желаетъ не того, чтобы представители церкви, глашатаи вѣчности, забыли землю, а того, чтобы они устрояли земную жизнь по завѣтамъ Евангелія. Призваніе Церкви—устроить Царство Божіе на землѣ. Но, по его мнѣнію, представители Русской церкви совсѣмъ не выполняютъ этого призванія. «Гдѣ и въ чемъ рус-

ское церковное представительство въ два послѣдніе вѣка проявило свое благотворное вліяніе на русское общество и государство?» Сказавши, что общество свѣтское осуществляло реформы, вытекавшія изъ духа Евангелія (напр., освобожденіе крестьянъ), онъ утверждаетъ, что власть духовная никакого участія во всемъ этомъ не принимала. Другими словами, живой духъ Христовъ не прекращалъ своего дѣйствія въ людяхъ, въ христіанской странѣ, живая церковь Христова дѣлала свое дѣло, но она, церковь, это дѣлала примѣтнѣе черезъ мірянъ, нежели черезъ духовенство. Паства духовная была дѣятельнѣе пастырей... Кто изъ насъ, духовныхъ, предстательствовалъ когда-либо теперь предъ суровою властью за народъ, за общество? Въ годины тяжкихъ бѣдъ страны: голода, эпидеміи, безработицы, гдѣ открывалась щедрая общенародная помощь со стороны церкви? Какіе монастыри кормили ежедневно тысячи голодающихъ, какъ бывало въ старину? Изъ какихъ обителей шли иноки и инокини на борьбу съ цынгою, съ тифомъ и холерой? Тысячи свѣтскихъ дѣвушекъ на поляхъ кроваваго Востока самоотверженно служатъ «Красному Кресту»; тамъ есть дворянскіе, земскіе, городскихъ думъ врачебные отряды,— есть ли тысячи, хотя бы сотни монахинь, имѣются ли отряды многобогатыхъ обителей—Печерской, Сергіевой, Почаевской Петербургской Александро-Невской? Думали ли объ этомъ? О чемъ-нибудь подобномъ? О крупномъ, достойномъ крупной величины—церкви?

Все это вопросы, отъ которыхъ нельзя отмахнуться, нельзя отдѣлаться напускнымъ пренебреженіемъ, отписаться ханжескими софизмами и дѣланнымъ, лицемѣрнымъ возмущеніемъ. Тутъ требуется не негодованіе, а покаяніе; смиреніе не на бумагѣ, а дѣйствительное, въ душѣ; смиренное сознаніе своей дѣйствительно долговременной слабой духовной дѣятельности и пробужденіе, неудержимый порывъ къ немедленному оживленію русской церковной жизни» (Р. Сл., 6 февр. 1905).

Таковъ приговоръ надъ церковной жизнью за два послѣднихъ столѣтія. Оспаривать ли его? Авторъ уже успѣлъ заклеймить всякаго, кто вознамѣрится это сдѣлать, именами ханжи, лицемѣра и софиста. Но не рано ли онъ это сдѣлалъ и не слишкомъ ли много беретъ на себя, заграждая недостойными пріемами путь къ возрожденіямъ? Пастырь, обличающій все русское пастырство, зачѣмъ прибѣгаешь къ такимъ сред-

ствамъ борьбы? Ты—глашатай вѣчныхъ истинъ — не спускаешься ли до неразборчиваго тона той газеты, въ которой пишешь? Грѣхи русскаго пастырства тяжки, но ты же самъ, въ той же газетѣ, лишь въ другихъ номерахъ, указываешь на условія, которыя повліяли на эти грѣхи. Русское пастырство въ послѣдніе два вѣка совсѣмъ лишено было возможности участвовать въ законодательствѣ. Оно—скажешь ты— должно стоять выше этихъ внѣшнихъ ограниченій. Это — правда. За это—*должно* бросай свой камень въ русскихъ недостойныхъ пастырей, смиренныхъ только на бумагѣ, — ты — смиренный въ сердцѣ! Но помни, что это недостойное пастырство въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій выдвинуло нѣсколько іерарховъ, которыхъ постыдно ставить въ ряду недостойныхъ. Не забывай св. Димитрія Ростовскаго, св. Тихона Задонскаго, Макарія Глухарева, Иннокентія Веніаминова. Или эти имена ничего не говорятъ твоему смиренному сердцу? Они не были участниками реформъ, они не сотрудничали въ популярныхъ газетахъ. Но они любили народъ и думали, что дѣло пастыря вдохнуть эту любовь въ паству. И тысячи людей любили ихъ при жизни, и тысячи любятъ до сихъ поръ, хотя ихъ самихъ давно нѣтъ на нашей грѣшной землѣ. О, они сдѣлали далеко не все, что могутъ сдѣлать пастыри! Они не достигли уничтоженія неправды въ управленіи и беззаконія въ жизни. Но неужели справедливо дѣлать обобщеніе о бездѣятельности *всего* духовенства за послѣднія два столѣтія, если среди него были такіе дѣятели? Современная церковная жизнь изобилуетъ несовершенствами. И, въ частности, не видно со стороны нашихъ монастырей крупнаго участія въ перенесеніи тяжкихъ бѣдствій, обрушившихся на бѣдный народъ. Это слѣдуетъ указать. Но законно ли клеймить за это *все* пастырство? [1]). Пророчества не уничижайте»! А его можно уничижить или односторонней хвалой, или одностороннимъ порицаніемъ, огульнымъ обвиненіемъ. Его легко уничижить безпощадными приговорами въ газетѣ, которую читаетъ толпа, воспринимающая все на вѣру. Эта толпа пойметъ осужденіе пастырства и почувствуетъ къ нему большее охлажденіе, чѣмъ

[1]) Всего чрезъ 15 дней послѣ этого суроваго приговора тотъ же авторъ утверждаетъ, что въ «послѣдніе годы въ рядахъ русскаго духовенства все многочисленнѣе и громче раздаются голоса, требующіе самаго тѣснаго и живого общенія церкви съ жизнью — въ духѣ свободнаго и нравственнаго вліянія»... (449).

испытываешь теперь. Неужели въ этомъ задача обличенія? Когда читаешь газету, въ которой пишетъ о. Петровъ, то невольно чувствуешь, что она враждебна и къ церкви и къ современному строю. И кому же служитъ тогда о. Петровъ? Не повиненъ ли онъ въ томъ политиканствѣ, въ которомъ обвинялъ католическое духовенство? Вѣдь, и онъ служитъ партіи политической и въ этомъ служеніи «уничижаетъ пророчество». Участвовать въ газетѣ, создавать успѣхъ газеты, которая съ несомнѣнною тенденціозностью освѣщаетъ явленія современности,—значитъ уже унижать «пророчество», унижать званіе пастыря.

Нѣтъ, не въ этомъ призваніе пастыря. Какъ глашатай евангельской истины, онъ долженъ стоять выше политическихъ партій. Онъ не апологетъ наличнаго политическаго строя и не его врагъ, а прежде всего пастырь, и потому хвалитъ и прощаетъ только то, что отвѣчаетъ завѣтамъ Евангелія, совершается ли это дѣятелями консервативной или либаральной партіи. Благо народное, благо паствы, вотъ его забота.

Такая безпартійность въ отношеніи къ политическому режиму создаетъ поневолѣ обособленное положеніе духовенства въ обществѣ и печати. Этою же обособленностью характеризуется и положеніе весьма многихъ свѣтскихъ людей. Видя, какъ каждая газета является органомъ партіи, наблюдая безцеремонное пренебреженіе однихъ фактовъ и усиленное выставленіе напоказъ другихъ, люди указанной категоріи съ отвращеніемъ берутъ въ руки газету и съ мученіемъ читаютъ бойкіе фельетоны, и обозрѣнія. Не читать нельзя, потому что нужно же знать, что творится у насъ на Руси. Но читать—постоянно мучиться отъ односторонняго освѣщенія фактовъ. Убѣжденные пастыри и безпартійные свѣтскіе люди могли бы найти пріютъ своимъ мыслямъ въ духовной печати, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ ея изданіяхъ. Но бѣда въ томъ, что эта печать слишкомъ слабо распространена въ публикѣ. Тяжесть положенія довела до .того, что эти люди рѣшаются издавать безцензурные листки. С. Шараповъ, получившій нѣсколько такихъ листковъ, выражаетъ по этому поводу изумленіе. «Г.г. Русскіе люди, при изобиліи органовъ «прессы» и при широкой свободѣ печати, не находятъ пріюта своему слову и вынуждены печатать на противняхъ и желатинѣ и печатать очень неумѣло. Гектографы и циклостили г.г. революціонеровъ куда изящнѣе.

Видно, что за ними широкій опытъ» (Русское Дѣло, 1905 г. № 4, стр. 3). Въ нашемъ распоряженіи есть одинъ такой листокъ, раньше печатавшійся гектографомъ, но теперь уже напечатанный типографскимъ способомъ и съ дозволенія цензуры. Онъ озаглавленъ — «Къ русскимъ людямъ. I. Голосъ русской народной интеллигенціи», и подписанъ — «Кружокъ русскихъ людей». Здѣсь мы находимъ выраженіе мыслей тѣхъ людей, которые чужды всякой бюрократіи, и той, которая стояла у власти до сихъ поръ, и той, которая неизбѣжно водворится въ государствѣ, если оно сдѣлается конституціоннымъ. Не борьба за власть или противъ нея привлекаетъ издателей листка, а народное благо. Мы позволимъ себѣ познакомить читателей съ этимъ «Голосомъ русской народной интеллигенціи, такъ какъ онъ отвѣчаетъ желаніямъ многихъ пастырей и православныхъ мірянъ, болѣющихъ сердцемъ за совершенную неурядицу.

I.

«Окидывая взоромъ тысячелѣтнюю исторію Россіи и пристально всматриваясь съ современное положеніе Церкви, въ дѣйствія правительства и въ условія жизни народной, мы видимъ, что коренныя русскія начала, на которыхъ возросъ и воспитался Русскій народъ, не только не находятъ себѣ полнаго, свѣтлаго проявленія въ жизни, но все болѣе и болѣе меркнутъ въ сознаніи Русскихъ людей. Образованные классы, теряя вѣру въ жизненную правду историческихъ русскихъ основъ, обращаются къ инымъ началамъ, а многострадальный Русскій народъ, терзаясь несоотвѣтствіемъ своихъ идеаловъ и дѣйствительности, начинаетъ терять свое долготерпѣніе. Въ общемъ же получается такое паденіе національнаго духа и потеря чувства гражданскаго, что во всѣхъ классахъ населенія начинаютъ обнаруживаться признаки сознанія себя не гражданами своей страны, а какъ бы народомъ, подчиненнымъ какой-то чуждой ему силѣ, заслонившей собою источникъ истинной Власти. И дѣйствительно, всевластіе и произволъ бюрократіи, созданной оторванною отъ историческихъ русскихъ началъ интеллигенціею, не только ослабляютъ нравственную связь между Царемъ и народомъ, но, проникая во всѣ сферы жизни и насильственно подавляя свободу духа и свободу личной и общественной дѣятельности, тѣмъ самымъ подрываютъ чувство законности, производятъ смятеніе въ умахъ и совѣсти народной, поражаютъ всеобщее недовольство и способствуютъ постепенной дезорганизаціи страны.

Единственный выходъ изъ настоящаго тяжелаго положенія, по нашему глубочайшему убѣжденію, состоитъ въ возсозданіи—на основаніи соотношенія *реальныхъ* силъ страны—внутренняго устроенія

Россіи путемъ проведенія въ жизнь такихъ мѣръ, которыя, давая свободу жизни и свободу духа странѣ, подняли бы дѣятельность всѣхъ національныхъ силъ нашего отечества. Но для этого требуется прежде всего ясное сознаніе общаго плана устроенія Россіи, который можетъ быть выведенъ лишь изъ началъ, кроющихся въ самыхъ внутреннихъ глубинахъ психологіи и исторіи Русскаго народа, и установленіе одной общей ясной руководящей идеи, которая, отвѣчая міровоззрѣнію народа, его религіознымъ, соціальнымъ и политическимъ идеаламъ, могла бы стать объединяющимъ знаменемъ для всѣхъ лучшихъ Русскихъ людей, любящихъ свое отечество и желающихъ ему истиннаго блага.

Основываясь на историческихъ русскихъ началахъ и проникаясь міровоззрѣніемъ народа, его религіозными, соціальными и политическими идеалами, мы не можемъ не возвысить голоса, когда среди современнаго разброда умовъ—съ одной стороны раздаются голоса «охранителей», полагающихъ все спасеніе Россіи въ устрашеніяхъ и подавленіи механическими средствами духа, мысли, слова и самосознанія народа, а съ другой—слышится громкій голосъ конституціоналистовъ, видящихъ въ ограниченіи власти Царя единственное средство для уничтоженія всѣхъ нашихъ бѣдъ и золъ и единственную гарантію для обезпеченія правового порядка въ странѣ,—не можемъ не возвысить голоса, чтобы передъ лицомъ всей Россіи не повѣдать наши завѣтныя вѣрованія и глубочайшія убѣжденія.

Наша вѣра, наши убѣжденія, наше разумѣніе русской дѣйствительности свидѣтельствуютъ намъ, что задача настоящаго времени состоитъ не въ превращеніи Самодержавія въ абсолютизмъ, деспотизмъ или тираннію, какъ то проповѣдуютъ апостолы насилія, не состоитъ она также въ ограниченіи Самодержавія, какъ того требуютъ потерявшіе вѣру въ народные идеалы конституціоналисты, которымъ—въ обольщеніи «свободами» и въ забвеніи истинныхъ нуждъ народныхъ—хоромъ вторитъ даже безкорыстнѣйшая часть нашей молодежи,—нѣтъ, истинная задача нашего времени состоитъ въ полнотѣ и чистотѣ проявленія Самодержавной Царской Власти, ибо только она *одна*, руководствуясь высшей правдой и основываясь на свободно выраженныхъ истинныхъ желаніяхъ и потребностяхъ народныхъ, *способна* со всею полнотою *разрѣшить всѣ запросы русской жизни и духа.*

Мы глубоко убѣждены, что Русскій народъ, видящій въ православномъ Царѣ носителя правды и воли Божіей о народѣ своемъ и живое олицетвореніе идеи своего политическаго бытія, ни въ какомъ случаѣ не допуститъ ограниченія Верховной Власти Царя и не потерпитъ надъ собою господства не только буржуазной олигархіи, но и той части «просвѣщенныхъ» классовъ, интересы и воззрѣнія которыхъ въ сущности своей ничего не имѣютъ общаго ни съ его міровоззрѣніемъ, ни съ его идеалами, ни съ его религіозными вѣрованіями.

Мы вѣримъ, что духовно-нравственныя нестроенія нашего времени, находящіяся въ тѣсной связи съ закрѣпощеннымъ положе-

ніемъ Церкви православной, могутъ быть устранены путемъ освобожденія Церкви изъ подчиненія свѣтской власти и возстановленія правильнаго церковнаго устройства, которое, съ одной стороны, образуетъ живую нравственную связь между церковной іерархіей и православнымъ народомъ, а съ другой стороны, дастъ Верховной Власти возможность непосредственнаго общенія съ церковной властью въ лицѣ ея соборовъ и патріарховъ.

Мы твердо убѣждены, что только *въ единодушіи и непосредственномъ общеніи Царя со свободной Церковью и свободнымъ народомъ* въ лицѣ земскихъ соборовъ или государственной думы, состоящей изъ избранныхъ народомъ *подлинныхъ* его представителей,—заключается дѣйствительное спасеніе Россіи отъ всѣхъ неустройствъ, хищеній и неправдъ, а отнюдь не въ замѣнѣ системы бюрократической олигархіи родственною ей въ своемъ существѣ системой конституціонной. Парламентаризмъ, вырывая изъ рукъ бюрократіи фактическую власть и юридически ограничивая Царское Самодержавіе, лишь отдалъ бы Русскій народъ «на законномъ основаніи» во власть сильнымъ и богатымъ классамъ, которые могли бы только насиліемъ держать его въ рабствѣ себѣ среди постоянныхъ его протестовъ, возмущеній и междоусобій, пока, наконецъ, онъ не смелъ бы съ лица земли Русской своихъ поработителей.

Мы крѣпко вѣримъ, что только Самодержавною Властью Царя можетъ быть осуществлена вся та полнота свободы и обезпеченіе правъ человѣка, которыя необходимы для развитія и проявленія его духовныхъ и творческихъ силъ. Свобода мысли, совѣсти, вѣроисповѣданія, мнѣнія и сомнѣнія, устнаго и печатнаго слова, собраній и союзовъ,—не только не противорѣчатъ идеѣ Самодержавной Власти Царя, но даже необходимы для постояннаго освѣдомленія Верховной Власти о состояніи ума и совѣсти и подлинныхъ нуждахъ, мнѣніяхъ и желаніяхъ народныхъ. Господство законности, независимость суда, расширеніе гражданскихъ правъ, неприкосновенность личности и домашняго очага, отвѣтственность должностныхъ лицъ—до министровъ включительно—и вообще устойчивость всѣхъ нормъ государственной и общественной жизни—могутъ быть несравненно прочнѣе обезпечены при Царскомъ Самодержавіи, въ его единеніи и непосредственномъ общеніи съ свободнымъ народомъ, чѣмъ при фиктивномъ «народномъ самодержавіи», на которомъ воздвигнута парламентарная идея, неспособная охранить слабаго отъ сильнаго, законность отъ порабощенія партійной борьбѣ, а народность отъ порабощенія господствующимъ классамъ и политиканствующимъ инородцамъ.

Мы также крѣпко увѣрены, что самое широкое развитіе самоуправленія—отъ мелкой земской единицы до участія въ законодательствѣ народныхъ «совѣтныхъ людей» Земскаго Собора—не только совмѣстимо съ Самодержавной Властью Царя, но и является неотъемлемою принадлежностью Самодержавія, ибо только при свободномъ, открытомъ и широкомъ проявленіи самосознанія и самодѣятельности народа Верховная Власть можетъ все знать, все видѣть

все слышать и все направлять къ разрѣшенію во благо народа. Разрѣшеніе во благо народа даже такихъ стоящихъ на первой очереди вопросовъ, какъ *аграрный* и *рабочій*, возможно только,—подобно уничтоженію крѣпостного права,—при неограниченной Царской Власти, являющейся носительницей идеаловъ Русскаго народа, чистымъ выраженіемъ высшей справедливости, высшаго блюденія за тѣмъ, чтобы въ государственной жизни націи не нарушался не только законъ человѣческій, но все болѣе и болѣе осуществлялись требованія Правды Божественной.

Мы сердцемъ знаемъ, что въ душѣ Русскаго народа, какъ ни въ одномъ другомъ народѣ, таится духъ Христовъ, порождающій идеалъ святости, стремленіе жить «по Божьи», желаніе согласовать внутреннюю истину съ дѣйствительностью и жажду спасенія всѣмъ міромъ—въ исполненіи всѣхъ этихъ чаяній и упованій и состоитъ историческая миссія Русскаго народа».

Таковы мысли «Кружка русскихъ людей». Думается, что подъ этимъ листкомъ подписались бы очень многіе пастыри, всѣ, которые не утратили здороваго гражданскаго чутья, если не яснаго пониманія. Но сочувствуя изложеннымъ мыслямъ, русскіе пастыри едвали когда-нибудь организуются въ политическую партію, даже съ тѣмъ славянофильскимъ знаменіемъ, какое развертываетъ «Кружокъ русскихъ людей». Почему? Потому что политика не прививается къ русскому духовенству. Нужны продолжительныя и рѣзкія потрясенія въ его строѣ, чтобы оно въ массѣ сдѣлалось политиканствующимъ. Желать ли этихъ потрясеній,—чтобы имѣть политиканствующее духовенство? Нѣтъ и нѣтъ! Нужно желать оживленія общественной дѣятельности духовенства, но никакъ не на почвѣ политики, а на почвѣ религіозно-нравственной. Нужна, крайне нужна живая, одушевленная проповѣдь тѣхъ вѣчныхъ истинъ, укрѣпленіе которыхъ послужитъ залогомъ государственнаго благоденствія, какая бы форма правленія не была усвоена Россіей. Вотъ почему благодарная народная память благоговѣйно чтитъ св. Тихона Задонскаго, хотя онъ убѣждалъ крѣпостныхъ крестьянъ подчиняться своимъ помѣщикамъ. Народъ чтитъ его, потому что онъ же убѣждалъ помѣщиковъ почеловѣчески, по христіански любить крѣпостныхъ. А главное онъ любилъ простыхъ людей, училъ ихъ любви и не щадилъ ни матеріальныхъ средствъ, ни труда личнаго для наученія народа. Это типъ православнаго пастыря — общественнаго дѣятеля, типъ, который не особенно нравится пастырямъ—публицистамъ новѣйшей формаціи. И среди современныхъ пастырей отвѣчаютъ

тому же традиціонному идеалу пастыря тѣ іерархи, которые съ болью сердца обсуждаютъ современныя нестроенія, но исходъ изъ нихъ видятъ не въ политикѣ и реформахъ, а въ нравственномъ покаяніи и очищеніи народа; а самыя бѣдствія разсматриваютъ, какъ кару Божію за грѣхи людей. Голоса о. Іоанна Кронштадскаго, преосв. Иннокентія, подвизающагося на Дальнемъ Востокѣ, преосв. Стефана Могилевскаго и др. мало слышны большой публикѣ, гораздо меньше, чѣмъ талантливый, но односторонній, политиканствующій голосъ о. Петрова. Но не слѣдуетъ измѣрять значеніе голоса по количеству его слушателей. Дай Богъ, чтобы увеличилось число архипастырей и пастырей съ живымъ призывомъ къ нравственному возрожденію общества, чтобы хоръ пастырскихъ голосовъ былъ наконецъ услышанъ мятущимся народомъ, который растерянно слушаетъ противорѣчивые голоса о своемъ благѣ и не знаетъ, кому вѣрить и за кѣмъ итти.

П. Никольскій.

28 февраля.

IV.

Отношеніе общества къ реформамъ. Духовныя изданія въ ихъ отношеніи къ общественному движенію. Призывъ къ политической дѣятельности духовенства. Оцѣнка этого призыва. Свобода совѣсти. Вопросъ о церковной реформѣ. Черты партійности и политиканства. Начало новой эпохи въ жизни Церкви.

Событія смѣняются съ головокружительной быстротой, и часто съ такою неожиданностью, что мирный гражданинъ испытываетъ состояніе полной растерянности. Не привыкши вникать въ ходъ внутренней политики, захваченный врасплохъ онъ готовъ вѣрить всякой уличной газетѣ, всякому политическому обозрѣнію. Между тѣмъ мы уже не наканунѣ крупныхъ реформъ, какъ говорилось прежде, а въ самомъ ихъ разгарѣ, и только пониманіе происходящаго кругомъ можетъ сообщить трезвое отношеніе къ тому, что на первый взглядъ кажется только смутой. Не привыкши вникать въ политическую жизнь, поддаваясь хлесткимъ статьямъ печати, мирный обыватель похожъ на слѣпого или на только что проснувшагося, который бредетъ за всякимъ вожакомъ. Неудивительно, что въ теченіе полугода, со времени объявленія курса довѣрія, руководителями общественнаго движенія являлись главнымъ образомъ періодическіе органы и представители интеллигенціи. Коренное населеніе только съ испугомъ протирало глаза. Теперь оно проснулось, и мы наблюдаемъ нарожденіе многочисленныхъ политическихъ партій отъ радикальныхъ антиправительственныхъ до неменѣе радикальныхъ консервативныхъ, отъ организаторовъ политическихъ убійствъ до проповѣдниковъ правительственнаго террора и народнаго самосуда надъ интеллигенціей. Но если эти партіи ведутъ преимущественно литературную войну, то народная масса реагируетъ на нее малоосмысленнымъ, но сильнымъ ропотомъ и погромами, мало разбирая либераловъ отъ консерваторовъ.

За послѣдніе мѣсяцы довольно ясно обозначилась и группировка церковныхъ дѣятелей и органовъ духовной печати.

Если до 1905 года почти всѣ духовныя изданія были равнодушны къ политикѣ или солидарны съ представителями консерватизма, то теперь весьма замѣтно выступило либеральное теченіе, особенно въ двухъ академическихъ органахъ — «Церковномъ Вѣстникѣ» и «Богословскомъ Вѣстникѣ». Эти органы рѣзко отзываются о прежнемъ направленіи духовной журналистики и о зависимости духовенства отъ оффиціальныхъ представителей власти. Они ратуютъ за свободу Церкви и за ея широкое участіе въ общественной жизни. При этомъ обозрѣватель современной жизни въ «Богословскомъ Вѣстникѣ», проф. В. Н. Мышцынъ, находитъ, что духовенство должно стать политической силой. «Не слѣдуетъ, говоритъ онъ, дѣлать изъ слова «политикъ» пугала. Быть политикомъ для нѣкоторыхъ равносильно быть — соціалистомъ и революціонеромъ. А между тѣмъ всѣ современные пастыри, говоря рѣчи въ защиту наличнаго общественнаго строя, сами того не замѣчая, являются политиками. Какъ нельзя порвать связи между духовною жизнью и жизнью общественною, такъ нельзя поставить и учительство пастырей внѣ вопросовъ общественной жизни, уголокъ которой и составляетъ политика. Но этого мало. Наше духовенство обвиняютъ въ томъ, что оно погружено въ политику даже болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Вмѣсто того, чтобы на политику смотрѣть, какъ на пособіе для осуществленія евангельскаго мира и правды, оно иногда и самую вѣру дѣлаетъ средствомъ для политики. Мы укажемъ здѣсь лишь два факта. Первый — запрещеніе перевода Библіи на малороссійскій языкъ. О второмъ сообщаетъ «Гражданинъ». Для школъ Привислянскаго края молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія были напечатаны въ 4 редакціяхъ: два текста безъ измѣненія были напечатаны для русскихъ и протестантовъ, одинъ текстъ съ малымъ измѣненіемъ для реформаторовъ и, наконецъ, четвертый съ серьезнымъ измѣненіемъ для поляковъ-католиковъ. Въ трехъ текстахъ одна изъ молитвъ оканчивается словами: *на утѣшеніе Церкви и родителямъ и отечеству на пользу*. Въ четвертомъ стояло: *въ утѣшеніе монарху и родителямъ, и всему краю на пользу*. Для католиковъ-поляковъ такимъ отразомъ были вычеркнуты слова: церковь и отечество, а взамѣнъ вставлено слово *монархъ*, котораго въ молитвѣ для русскихъ, протестантовъ и реформаторовъ не имѣется. Значитъ, если католикъ-полякъ захочетъ

предпочесть текстъ православный, онъ становится политическимъ преступникомъ»... (Б. В. 1905, мартъ, стр. 644—645), Считая послѣдній примѣръ совершенно неудачнымъ, такъ какъ православное духовенство не могло редактировать молитвы для католиковъ, отмѣтимъ общую мысль духовнаго органа — что духовенство волей неволей является въ роли политической силы и потому тѣ, которые не одобряютъ политической дѣятельности духовенства въ прогрессивномъ направленіи, въ сущности являются сторонниками и защитниками политической реакціи. Эти же мысли весьма часто проводятся и въ свѣтской печати. Для примѣра достаточно указать на статьи проф. С. Булгакова «Безъ плана» и г. Уральскаго — «Религіозно-общественная хроника», въ «Вопросахъ жизни» (1905, мартъ) Духовенство (въ частности преосв. Антоній Волынскій за проповѣдь «О Страшномъ Судѣ») обличается въ служеніи современному политическому строю, и его слово поэтому объявляется не религіознымъ, а противорелигіознымъ. Проповѣдь эта «показываетъ, до какой степени изсохла наша оффиціальная іерархія при системѣ цезаропапизма, при противоестественномъ союзѣ извѣстной политической формы и оффиціальнаго представительства Церкви, которой навязаны были полицейскія функціи. «Параличъ» (въ которомъ, по выраженію Достоевскаго, находится Церковь со времени Петра В.) вызвалъ уже частичное омертвѣніе, и далеко разносится этотъ запахъ трупнаго гніенія» (стр. 405).

Итакъ, по мысли названныхъ органовъ, духовенство должно стать въ ряды политическихъ борцовъ и вмѣстѣ съ ними работать надъ разрушеніемъ стараго и созданіемъ новаго строя. Нельзя не признать, что въ этомъ призывѣ есть громадное искушеніе, и многіе благороднѣйшіе дѣятели Церкви готовы пойти на этотъ призывъ. Онъ соблазнителенъ, прежде всего, горячностью и правдивостью въ обличеніи реакціонно-политической дѣятельности, которая навязана была духовенству. А затѣмъ, мысль о неотдѣлимости вѣры отъ жизни, Церкви отъ общества дѣлаетъ приведенныя соображенія убѣдительными. Но отчего же не благословилъ такой дѣятельности Своихъ преемниковъ Господь Іисусъ Христосъ? Отчего, призывая къ борьбѣ со зломъ и обличая нечестіе, Онъ не выступалъ политическимъ дѣятелемъ? Отчего и лучшіе Его преемники, пламенѣвшіе любовью къ человѣчеству, не высту-

пали на путь политическаго агитаторства? Невозможно предположить, чтобы Господь Іисусъ Христосъ считалъ современный Ему политическій строй нормальнымъ. Каждое слово Его проповѣди есть судъ надъ этимъ строемъ [1]). Но выступить разрушителемъ этого строя въ обычномъ смыслѣ—значило благословить человѣчество на кровопролитіе. Не такъ должно осуществляться Царство Божіе. «Взявшіе мечъ мечемъ и погибнутъ», сказалъ Господь, и дальнѣйшая исторія многочисленными фактами подтвердила эту истину. «Пастырь выше всего земного, временнаго долженъ ставить вѣчные идеалы истины и добра. Онъ долженъ прежде всего помнить, что всѣ нормы общественной жизни и обычаи не суть какой-либо непреложный догматъ, что они, съ развитіемъ общества и повышеніемъ общественнаго самосознанія, ветшаютъ и мѣняются на новые. Было бы безцѣльнымъ насиліемъ остановить ростъ и развитіе физическаго организма. Также безцѣльно задерживать развитіе духовнаго организма личности и общества... Пастырь долженъ со всею чуткостью прислушиваться къ росту общественнаго организма и, оцѣнивая всѣ новыя формы, въ которыя онъ намѣренъ заключиться, съ точки зрѣнія евангельскихъ идей любви, правды и свободы, съ мудростью отца и педагога направляетъ общество въ духъ евангелія, ежечасно, ежеминутно предостерегая отъ всякаго насилія, внушая и обществу и власти одинъ путь— путь любви и мира. Какъ служитель Церкви, а не земнаго царства, онъ долженъ стоять не столько впереди общественныхъ теченій, сколько выше ихъ. Признавая за ними историческій и моральный смыслъ, онъ смотритъ на новыя формы не какъ на цѣль, а какъ на средство къ духовному возрожденію. Этимъ онъ существенно отличается отъ политическаго дѣятеля» (В. Н. Мышцынъ, Б. В. 1905, мартъ, стр. 646). Эти мысли обозрѣвателя «Богосл. Вѣстн.» совершенно справедливы и выше (см. обозрѣніе III) высказаны нами совершенно тождественныя

---

[1]) Вотъ именно къ такой-то общественной и политической дѣятельности, суда, сужденія, благословенія одного и отверженія другого въ жизни частной и общественной призываютъ и церковные прогрессисты. Авторъ нашъ не вѣрно ихъ понялъ, навязывая имъ чуждую имъ мысль о кровавомъ пути мечомъ. Своимъ соглашеніемъ съ сейчасъ же приводимыми словами г. Мышцына нашъ авторъ становится на вѣрный путь пониманія призывовъ церковныхъ прогрессистовъ и, одобряя ихъ, тѣмъ самымъ и другихъ призываетъ къ нему.
Редакція.

этимъ сужденія. Но это уже не призывъ къ политической дѣятельности въ обычномъ значеніи слова, отмѣченный въ предшествующихъ сужденіяхъ проф. Мышцына. Напротивъ, если духовенство вступитъ на путь политической агитаціи, оно неизбѣжно снизойдетъ съ евангельской почвы на путь борьбы — съ обманами, насиліемъ и кровью. А само оно сдѣлается игрушкою политическихъ партій. Особенно сильной опасности подвергается духовенство и всѣ вообще церковные дѣятели въ минуты общественнаго возбужденія, когда политическія страсти доходятъ до высшаго напряженія. Въ такіе моменты отказаться отъ участія въ общественной работѣ — значитъ поставить крестъ на своемъ существованіи; но принять сторону одной партіи значитъ ввязаться въ узкую партійную борьбу и унизить свое святое призваніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдаться подъ унизительное покровительство этой партіи. На дняхъ мы были свидѣтелями такого печальнаго явленія, на которомъ считаемъ необходимымъ остановиться [1]).

Требованіе реформъ—снизу и призывъ къ нимъ—сверху уже въ концѣ 1904 г. вызвалъ къ существованію указъ 12 декабря, намѣтившій планъ будущихъ реформъ. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаетъ призывъ къ широкой вѣротерпимости. 17 апрѣля, въ 1 день Св. Пасхи, этотъ призывъ осуществился въ Высочайшемъ Указѣ, почти уравнявшемъ всѣ вѣры и исповѣданія съ «господствующимъ» православнымъ вѣроисповѣданіемъ въ государственномъ отношеніи. Свобода совѣсти такимъ образомъ есть совершившійся фактъ. Выше (см. обозрѣніе I) мы имѣли случай высказаться о значеніи этого факта. Естественно, что церковная власть, да и всѣ вообще церковные люди, должны взвѣсить всѣ возможныя послѣдствія этого факта для дальнѣйшей церковной жизни. Государственное положеніе раскольниковъ и сектантовъ представляетъ имъ даже нѣкоторыя преимущества предъ «господствующей» Церковью. Такимъ преимуществомъ является церковная автономія, которой лишена православная Церковь. Поэтому Высокопреосвященный Антоній, митрополитъ Петербургскій, внесъ въ Комитетъ Министровъ рядъ предложеній, касающихся авто-

[1]) Эти сужденія нашего автора, съ которыми согласны и всѣ церковные, имъ указанные, писатели, ратующіе противъ наличности его возмущающихъ современныхъ принужденій для церкви быть правительственною *партіей*, съ ясностію показываютъ, какъ превратно въ провинціи преломляются всѣ самыя христіаннѣйшія желанія лучшихъ людей церкви. *Редакція.*

номіи Церкви, именно—«устраненія или ослабленія постоянной опеки и слишкомъ бдительнаго контроля свѣтской власти надъ жизнью церковной и надъ дѣятельностью церковнаго правительства, который лишаетъ Церковь самостоятельности и иниціативы и, ограничивая область ея вѣдѣнія почти однимъ богослуженіемъ и исправленіемъ требъ, дѣлаетъ ея голосъ совсѣмъ неслышнымъ ни въ частной, ни въ общественной жизни». (Эти положенія напечатаны въ Правосл. Путеводителѣ, 1905, апрѣль—май, стр. 792—795).

Такимъ образомъ, крупная реформа въ положеніи инославія должна была итти одновременно и параллельно съ реформой церковнаго управленія. Но, по предложенію Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, вопросъ объ этой реформѣ былъ изъятъ изъ программы вопросовъ, обсуждаемыхъ въ Комитетѣ Министровъ и переданъ въ Св. Синодъ. Законность и желательность реформы этимъ не подвергались сомнѣнію; напротивъ, этою передачею какъ будто подчеркивалась желательность автономной, чисто церковной реформы въ положеніи Православія. Вполнѣ понятно поэтому, какъ забились сердца церковныхъ людей и сколько надеждъ возродила вѣсть о реформѣ Церкви на каноническихъ основаніяхъ. Кружокъ передовыхъ петербургскихъ священниковъ выразилъ эти надежды въ особой запискѣ, поданной митрополиту Антонію (см. тамъ-же, стр. 796—801). «На вопросъ: какъ же достигнуть великой и святой цѣли возстановленія канонической свободы православной Церкви въ Россіи,—отвѣтъ, по нашему глубокому убѣжденію, можетъ быть только одинъ: чрезъ нарочито для сего созванный помѣстный соборъ русской Церкви» (стр. 801). Но не одинъ только кружокъ петербургскихъ священниковъ желалъ соборнаго обсужденія церковнаго устройства,—это желаніе большинства церковныхъ людей сознательно относящихся къ своей вѣрѣ. Св. Синодъ, обсудивши переданное ему дѣло, составилъ всеподданнѣйшій докладъ о созваніи епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи, 31 марта на этомъ докладѣ Его Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно начертать: «Признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора. Предоставляю Себѣ, когда насту-

питъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ императоровъ, дать сему дѣлу движеніе и созвать соборъ Всероссійской Церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія».

Итакъ реформа церковнаго управленія отложена до болѣе благопріятнаго времени.

Такова оффиціальная сторона дѣла. Но есть сторона неоффиціальная, однако достаточно оглашенная въ печати. Интересующихся этой стороной мы отсылаемъ къ многочисленнымъ статьямъ появившимся въ мартѣ въ разныхъ изданіяхъ, особенно въ «Русскомъ Дѣлѣ» (статьи Новоселова, Н. Дурнова, редактора С. Ѳ. Шарапова и др.), «Москов. Вѣдомостяхъ», «Новомъ Времени» (особенно статья проф. Н. К. Никольскаго— «Почему 32»?), «Русскомъ Словѣ» (статьи свящ. Г. С. Петрова). Если перечитать эти статьи, то разсказанная исторія съ реформой церковнаго управленія предстанетъ, какъ яблоко раздора и предметъ борьбы лицъ и партій. Церковныхъ людей вопросъ о реформѣ раздѣлилъ на три партіи: партію монашества, бѣлаго духовенства и мірянъ, при чемъ вторая и третья партіи сѣтовали на первую, будто она реформою хотѣла усилить свои права въ ущербъ бѣлому духовенству и мірянамъ. Какъ бы мы ни относились къ этому раздѣленію, ясно одно: вопросъ сдвинулся, такъ сказать, съ своего корня: вмѣсто согласной работы надъ подготовкой къ реформѣ явилась партійная борьба, унизившая святое дѣло и, быть можетъ, бывшая одною изъ причинъ его пріостановки.

Параллельно съ этимъ возгорѣлась борьба иного сорта. Для людей не-церковныхъ реформа Церкви была удобнымъ поводомъ къ политическимъ манифестаціямъ. Имъ нѣтъ дѣла до каноническаго и автономнаго устройства Церкви, — имъ важно, что духовенство пожелало реформъ. Это желаніе въ основѣ своей не имѣло никакого отношенія къ антиправительственной агитаціи; но о немъ такъ удобно и «своевременно» говорить, какъ о походѣ противъ «бюрократіи»... Неудивительно поэтому, что о реформѣ Церкви заговорили съ особымъ паѳосомъ такія газеты, какъ Русскія Вѣдомости, Русское Слово, Новости, которыя обычно или равнодушны или враждебны, къ интересамъ Церкви. Кромѣ повода къ рѣчамъ о бюрократіи, публицистовъ этихъ изданій могла соблазнять мечта объ отдѣленіи Церкви отъ государства... Быть можетъ, эта неожи-

данная солидарность представителей Церкви и сотрудниковъ «Русскихъ Вѣд.» и «Новостей» заставила консервативныя изданія съ излишнею подозрительностью отнестись къ вопросу о реформѣ. «Московскія Вѣдомости» назвали дѣло о реформѣ «церковнымъ переворотомъ» и указали, что это дѣло есть своего рода политическая демонстрація противъ правительства. Такимъ образомъ политиканство разгорѣлось вокругъ такого дѣла, которое по существу совершенно не зависитъ ни отъ либеральной, ни отъ консервативной политики. Къ крайнему прискорбію, этой политической окраски не избѣжали нѣкоторые церковные дѣятели. Мы разумѣемъ участіе въ этомъ дѣлѣ преосвящ. Исидора Балахнинскаго. Возмущенный несправедливымъ обвиненіемъ, раздавшимся противъ Св. Синода на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей», онъ напечаталъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» рядъ писемъ, въ которыхъ осуждаетъ консервативную московскую газету въ темной, противообщественной дѣятельности. Въ одномъ изъ писемъ—къ преосвящ. Никону онъ убѣждаетъ его не имѣть общенія съ редакторомъ Москов. Вѣд., приводя текстъ—«кое общеніе свѣту ко тьмѣ» и такъ далѣе. Не считая московскую охранительную газету объективною, признавая ее узко-партійною и нетерпимою къ иномыслящимъ, мы однако смущены, что преосвященный авторъ напечаталъ свои письма въ «Русскихъ Вѣд.», враждебное отношеніе которыхъ къ Церкви едва-ли кто будетъ отрицать. «Кое общеніе»?.. Что «Русскія Вѣд.» помѣстили письма православнаго епископа, хотя тенденціозно замалчиваютъ всякое свѣтлое явленіе церковной жизни,— это понятно: письма направлены противъ «Московскихъ Вѣд.», и уже потому ихъ авторъ оказывается «уважаемымъ». Такъ же отнеслись къ этимъ письмамъ и другія либеральныя газеты. Кто такой преосв. Исидоръ, какую величину представляетъ онъ въ качествѣ церковнаго дѣятеля, это для такихъ изданій совершенно не важно, важно, что онъ высказался противъ «мракобѣсія». А въ результатѣ ореолъ великаго гражданина и славнаго архипастыря. Въ Москвѣ нашелся кружокъ почитателей владыки, которые напечатали въ «Русскомъ Словѣ» письмо — адресъ къ нему, гдѣ сравниваютъ его съ Амвросіемъ Медіоланскимъ и Филиппомъ Московскимъ...

Когда присмотришься къ подобнымъ фактамъ, страшно становится за будущность Русской церкви. Неужели ея пас-

тыри выступятъ на путь политической агитаціи и станутъ орудіемъ борьбы партій? Неужели Русская церковь пойдетъ по тому же скользкому пути, который прошла почти весь до конца церковь католическая?

Теперь Русская церковь начинаетъ новую эпоху своего бытія. До 17 апрѣля 1905 г. она была въ положеніи охраняемой свѣтскою властью. Такая охрана неизбѣжно вела за собой тѣсный союзъ съ гражданской властью. Представители Церкви всегда являются и гражданами и потому защищаютъ гражданскій строй, какъ залогъ общественнаго внѣшняго спокойствія. Такое отношеніе къ власти всегда было раздѣляемо православно-церковными дѣятелями. Но при государственной опекѣ надъ Церковью этимъ далеко не исчерпывалось служеніе церковныхъ дѣятелей власти. Опека, въ видѣ запрещеній и ограниченій иновѣрія, налагала на духовенство обязанности полицейскаго характера и въ тоже время побуждала невѣрующихъ и иновѣрныхъ отрицать въ Церкви присутствіе евангельскаго духа. Теперь всѣ эти земныя наслоенія должны отпасть, и представители православной Церкви будутъ выступать только съ мечомъ духовнымъ. На первыхъ порахъ это повлечетъ къ массовымъ отпаденіямъ отъ Церкви — отпадутъ элементы, ранѣе насильственно удерживавшіеся въ Церкви; отпадутъ слабые въ вѣрѣ и сомнѣвающіеся. Это горе для Церкви. Но очистится церковная атмосфера, и церковные дѣятели самою жизнью будутъ вызваны къ духовной борьбѣ съ врагами Церкви. А такъ какъ внѣшняя опека надъ поддержаніемъ престижа Церкви кончилась, то дальнѣйшая церковная жизнь пойдетъ по самостоятельному руслу, чуждому окраски политическихъ партій. Когда же осуществится внутренняя реформа Церкви путемъ соборныхъ постановленій, тогда новое положеніе Церкви упрочится и осуществятся воздыханія и чаянія лучшихъ православныхъ людей.

П. Никольскій.

---

30 апрѣля.

V.

Чего ждутъ церковные люди отъ реформы Церкви «на каноническихъ основаніяхъ»? Скептическіе голоса. Недовѣріе къ проекту возстановленія патріаршества и возвращенія къ допетровской старинѣ. Недостатокъ творческаго порыва въ обществѣ, какъ слѣдствіе нравственнаго оскудѣнія. Какъ отзываются на современное настроеніе лучшіе пастыри?

«Не нужно много говорить о томъ, какою дѣйствительно великою радостью и какими великими надеждами наполнила наши сердца такъ давно жданная нами вѣсть о грядущей церковной реформѣ. Повѣяло святой далекой стариной. Невольно тѣснятся въ душу образы великихъ первохристіанскихъ пастырей, свободно выносившихъ на своихъ плечахъ и различные глубочайшіе догматическіе раздоры, и великія церковныя смуты, умѣвшіе, среди всевозможныхъ невзгодъ и гоненій, донести до насъ свѣтъ Христовой вѣры, нисколько не боявшіеся стоять за правду Христову «предъ цари и вельможи,» воспитавшіе народъ въ глубокой преданности Христу, примирявшіе его со всѣми обидами, какими щедро надѣляли его всегда всѣ, кто могъ, мужественно страдавшіе и умиравшіе за свои паствы...

Слышится мнѣ, какъ разламываются стѣны темницы, изъ толщи стѣнъ которой такъ слабо доносился до слуха людей и мужественный голосъ архипастырей. Вижу, какъ гремя спадаютъ желѣзныя цѣпи съ ап. Петра, и онъ свободный и развязанный выходитъ на просторъ Божьяго міра. Рѣчь его, свободная и благодатная, чуждая всякаго лицепріятія, обращенная ко всѣмъ людямъ, на какой бы ступени общественной лѣстницы они ни стояли, льется неудержимымъ потокомъ и, падая на почву, давно подготовленную, пробуждаетъ всѣхъ къ новой плодотворной жизни и дѣятельности.

Вижу, какъ собирается раздранный хитонъ Христовъ,

раздѣленный для храненія между многими, даже и между мало вѣрными Христу, и какъ вручается онъ цѣлый въ руки настоящихъ хранителей его. Вижу воскресшій ликъ Христовъ во всей его полнотѣ и неземной красотѣ. Я какъ бы слышу даже рѣчь. Его, призывающую всѣхъ къ братской дружной работѣ, совмѣстной жизни, рѣчь, дивно цѣлящую разстроенныя, изстрадавшіяся и изболѣвшіяся души. Наступаетъ полная гармонія вѣры и жизни по вѣрѣ. Указывается путь путникамъ, сбившимся давно съ торной дороги, и всѣ идутъ въ невѣдомую даль, отнынѣ радостные, умиротворенные, полные вѣры въ себя, людей и свое будущее.

Вижу, какъ рушатся вездѣ стѣны и перегородки, отдѣлявшіе пастырей отъ народа, архипастырей отъ пастырей и паствы, всѣхъ чадъ Церкви отъ ея Главы—Христа. Вижу, какъ разомкнутые эти круги сливаются въ одно, и получается одна громадная родная, живая семья, болѣющая однѣми болѣзнями и радующаяся однѣми радостями, а не какой-то почти совсѣмъ бездушный желѣзный колоссъ съ составными руками, туловищемъ и ногами, неуклюжій и страшно медленно двигающійся, гремя своими громоздкими латами, забралами, панцырями, колоссъ—мертвая машина, совершенно нестрашный въ нынѣшнія времена почти никому. Не о такомъ, конечно, единеніи мы говоримъ. Мы говоримъ о томъ полномъ единеніи всѣхъ вѣрующихъ между собою, когда они тѣсно сплоченные внутренними узами любви и братства, будутъ не только не чуждыми или безразличными другъ для друга, но и, по выраженію апостола, будутъ имѣть «одно сердце и одни уста» (Дѣян. **4**, 32). Мы говоримъ о томъ единеніи пастырей и архипастырей съ вѣрующими, когда они нераздѣльно, органически будутъ слиты со всей своей паствой»... (Епископъ Евдокимъ Богослов. Вѣстн. 1905 г., май, стр. 167—169).

Таковы ожиданія церковныхъ людей отъ будущей реформы Церкви «на каноническихъ основаніяхъ». Желанія, высказанныя въ только что приведенныхъ словахъ преосв. Евдокима, такъ возвышенны и святы, что подъ ними съ готовностью подпишется каждый членъ Церкви. Но въ этихъ словахъ не одни желанія, а и твердая вѣра въ наступленіе идеальнаго порядка въ жизни Церкви, какъ тѣла Христова. Такой твердой вѣры не имѣютъ весьма многіе русскіе люди. Не имѣютъ ея тѣ религіозные люди, которые уже давно проповѣдуютъ, что русская церковь

есть трупъ или организмъ въ состояніи паралича. Эту мысль высказалъ Д. С. Мережковскій на одномъ собраніи въ Москвѣ (Правосл.-Русское «Слово» 1905 г., № 10—«Лекція)» и въ 4—5 кн. журнала «Вопросы Жизни», въ статьѣ «Теперь или никогда». По мысли этого писателя, напрасно думаютъ, что ненормальное, паралитическое состояніе церкви началось со времени Петра I. Не Петровская реформа была причиной такого состоянія: еще раньше, въ Патріаршій періодъ, церковь русская обнаружила свою безжизненность. Она оказалась слѣпою къ нуждамъ русскаго общества до Петра, она была глуха къ просвѣтительнымъ реформамъ великаго Преобразователя, какъ она же потомъ была глуха ко всѣмъ освободительнымъ стремленіямъ общества. Петръ не парализовалъ церковь, нѣтъ, своею реформой онъ только помогъ параличному двигаться, подпоясавъ его, какъ помочами, духовнымъ регламентомъ, учреждавшимъ Св. Синодъ. Выходитъ, стало быть, что Петръ облагодѣтельствовалъ церковь. Однако можетъ ли параличъ прекратиться? Можетъ ли русская церковь изъ омертвѣвшей сдѣлаться живою церковью? Можетъ—въ томъ случаѣ, если изъ исторической сдѣлается апокалипсическою: если перестанетъ звать только на небо, а станетъ работать надъ водвореніемъ Царства Божія на землѣ. А это послѣднее она будетъ дѣлать тогда, когда соединится съ интеллигенціей въ общей освободительной борьбѣ. Таковъ общій смыслъ реферата Мережковскаго, если откинуть изъ него специфическія черты его теософіи, повторяющіяся неизмѣнно и въ романахъ, и въ критическихъ статьяхъ, и въ отдѣльныхъ рефератахъ писателя. Эту же общую мысль выразилъ другой публицистъ — проф. С. Булгаковъ (Вопросы Жизни, 1905 г., IV—V). Никакія «каноническія основанія», по его мнѣнію, не улучшатъ положенія Церкви до тѣхъ поръ, пока она оказывается связанной опекой государства. Символомъ настоящаго положенія Церкви служитъ, говоритъ Булгаковъ, крестъ на соборѣ Кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго монастыря: *надъ* этимъ крестомъ возвышается государственный гербъ,—необходимо снять этотъ гербъ, чтобы служеніе кресту сдѣлалось свободнымъ. Идеалъ христіанской общественной жизни чуждъ государственнаго принужденія и есть по существу идеалъ анархическій. Во всякомъ случаѣ не должно быть союза Церкви съ государствомъ,—полное раздѣленіе ихъ сферъ есть необходимое условіе для оживленія Церкви. Тогда только

Церковь привлечетъ къ себѣ и интеллигенцію, теперь враждебную ей.

Такіе радикальные взгляды можно понять, какъ выраженіе партійной политической борьбы. Призывая Церковь не только къ отдѣленію отъ государства, не только къ рѣзкому разрыву, но и къ открытой борьбѣ съ государствомъ, публицисты какъ будто забываютъ, что Церковь или общая—христіанская религія должна произвести внутреннюю, нравственную революцію, а не политическій переворотъ. Поэтому Церковь признаетъ политическій строй, какъ тотъ minimum порядка и мира, безъ котораго невозможенъ нравственный прогрессъ въ обществѣ. Это—не есть примиреніе съ наличнымъ зломъ, а признаніе и въ гражданскомъ строѣ извѣстнаго средства для внутренняго роста общества.

Кромѣ свѣтскихъ публицистовъ радикальнаго направленія, въ успѣхѣ будущей церковной реформы, въ той ея формѣ, о которой шла до сихъ поръ рѣчь, сомнѣваются и публицисты духовныхъ изданій. Сомнѣнія вытекаютъ изъ двухъ источниковъ. Прежде всего считаютъ маловѣроятнымъ, чтобы возстановленіе патріаршества на смѣну Синода повело къ обновленію церкви. А затѣмъ есть не мало лицъ, которыя вообще скептически относятся къ реформѣ, потому что не видятъ признаковъ внутренняго, религіозно-нравственнаго обновленія въ русскомъ обществѣ.

Мысли первыхъ развиты и обоснованы въ статьѣ проф. Н. Ѳ. Каптерева.—«Власть патріаршая и архіерейская въ древней Руси въ ихъ отношеніи къ власти царской и къ приходскому духовенству» (Богослов. Вѣстникъ, 1905 г., апрѣль и май).

Авторъ находитъ не основательною ту мысль, что до Петра церковь русская была автономна. На основаніи историческихъ фактовъ онъ доказываетъ, что митрополиты, а потомъ патріархи и избирались царями, и въ своей дѣятельности зависѣли отъ царей. Даже избраніе архіереевъ, игуменовъ и протопоповъ къ столичнымъ церквамъ происходило по волѣ царя, а не патріарха. Въ своей дѣятельности и патріархъ и епархіальные архіереи находились въ зависимости отъ царской власти. Пастырское дѣланіе этой высшей русской іерархіи, по мысли проф. Каптерева, тоже не было особенно полезнымъ для русскаго общества, такъ какъ высшая іерархія далеко стояла

отъ паствы. Кромѣ того, сама эта іерархія воспитала въ себѣ традиціи, вредныя для общественнаго развитія. «Русскіе архіереи вообще, съ самаго начала введенія у насъ христіанства и до послѣдняго времени, какъ высшіе представители нашей церкви, никогда не имѣли собственной архипастырской иниціативы въ рѣшеніи даже чисто церковныхъ дѣлъ; никогда у нихъ, и въ этой родной имъ сферѣ, не было никакого творчества на основаніи Св. Писанія, св. отцовъ и учителей церкви, и вообще на основаніи духа и разума православія и чисто мѣстныхъ религіозно-церковныхъ потребностей. Они всегда являлись и здѣсь только или сторонними зрителями совершеннаго другими, или пассивными оберегателями наличной церковной дѣйствительности, какая бы она ни была въ данное время. Это потому, что такъ ихъ воспитала, такъ ихъ пріучила относиться ко всякому встрѣчающемуся церковному дѣлу сама наша историческая церковная жизнь. Мы все церковное, до послѣднихъ мелочей, съ самаго начала у насъ христіанства, приняли отъ грековъ въ готовомъ видѣ, продолжали принимать отъ грековъ въ готовомъ видѣ все церковное и въ послѣдующее время. Если греческая церковь жила своею собственною творческою жизнію, если своимъ творчествомъ она создала извѣстныя церковныя формы, правила, постановленія, извѣстный строй и укладъ своей мѣстной церковной жизни, вносила въ него съ теченіемъ времени тѣ или другія измѣненія, вызываемыя новыми измѣнившимися условіями и потребностями своей исторически-культурной жизни; то наше русское дѣло было всегда не творить, не создавать, подобно грекамъ, что-либо свое на почвѣ христіанско-церковной мѣстной русской жизни, а только подражать, копировать, цѣликомъ переносить къ себѣ все готовое греческое... Русскій архіерей зналъ, что за него уже все придумали, сдѣлали и создали другіе, высшіе его по знаніямъ и церковной опытности, и привыкъ самъ ни о чемъ церковномъ не думать творчески, не дѣлать и въ церковной сферѣ ни одного самостоятельнаго шага, привыкъ во всемъ смотрѣть на митрополита, отъ него ждать приказаній, распоряженій, рѣшенія встрѣчающихся вопросовъ и недоумѣній. Съ другой стороны, на всю нашу церковную жизнь, на весь церковный строй, воспринятый нами въ готовомъ видѣ отъ грековъ, онъ исторически пріученъ былъ смотрѣть какъ на нѣчто совершенное, не терпящее никакихъ перемѣнъ, никакихъ

отступленій отъ древне-греческаго образца. При возникновеніи у насъ своихъ церковныхъ вопросовъ, мы всегда брали только уже готовыя, болѣе или менѣе подходящія къ данному случаю, нормы, формулы, рѣшенія и постановленія древне-греческія и, съ своей стороны, употребляли всѣ усилія, чтобы какъ нибудь подвести, подогнать живой русскій вопросъ подъ отжившую часто греческую формулу, и не успокоивались до тѣхъ поръ, пока не успѣвали такъ или иначе втиснуть русское живое церковное явленіе въ рамки греческой церковной старины. Дерзать отнестись къ русской жизни, къ ея своеобразнымъ запросамъ и требованіямъ самостоятельно—творчески, руководствуясь духомъ и разумомъ православной Церкви, а не подражательностью и рабской копировкою, мы никогда не отваживались, какъ будто въ русской церкви не дѣйствуетъ тотъ же Духъ Святой, который дѣйствовалъ въ древне-греческой церкви и помогалъ ей создавать свой церковный чинъ, уставъ, правила; какъ будто Его просвѣщающее и вдохновляющее къ творческой дѣятельности воздѣйствіе закончилось, остановилось на старой Византіи и не можетъ уже открыть себя во всей силѣ въ самостоятельной творческой дѣятельности русской церкви. Мы даже всегда ставили и ставимъ себѣ въ особую, чрезвычайную заслугу, что никогда ничего своего не производили и не производимъ во всю нашу историческую церковную жизнь, а только стараемся въ ней точно копировать то, что давали и даютъ намъ греки; мы сильно гордимся тѣмъ, что собственно русскаго во всемъ строѣ и порядкѣ нашей церковной жизни ничего нѣтъ, а все только принесенное въ готовомъ видѣ изъ старой благочестивой Византіи, и что отъ этого принесеннаго къ намъ мы никогда ни въ чемъ не отступили ни на іоту» (Богослов. Вѣстн.» 1905 г., май, стр. 36—38).

Вотъ причины, заставляющія весьма многихъ скептически относиться къ стремленію реставрировать допетровскую церковную старину съ московскимъ патріархомъ во главѣ. Можно жалѣть о томъ, что въ свое время не были сохранены бытовыя явленія, сообщавшія этой старинѣ благочестивый характеръ, но опасно возстановлять даже эти явленія при рѣзко-измѣнившихся условіяхъ жизни. Мы знаемъ, какимъ мертво-рожденнымъ дѣтищемъ оказалось славянофильское переряживаніе въ мужицкій зипунъ,—а вѣдь славянофилы были люди съ высокимъ патріотическимъ настроеніемъ. Что же будетъ, если вся масса

церковная будетъ подвергнута подобному же опыту переряживанія? Не нужно также забывать, что изъ прекраснаго далека событія представляются часто или въ розовой дымкѣ, или окутанныя туманомъ. Идеализація въ положительную или отрицательную сторону ведетъ или къ возврату назадъ, къ прежнему и умершему, или къ ломкѣ и того живого, что сохранилось отъ прежнихъ временъ.

Поэтому, когда поднимается вопросъ о церковной реформѣ, то слѣдуетъ желать ея, не какъ реставраціи старины, а какъ творческаго акта, основывающагося на принципахъ православія. Будетъ ли у насъ московскій патріархъ или митрополитъ или Синодъ,—это еще реформы не создастъ,—важно, чтобы оживилась церковная жизнь. А это произойдетъ лишь тогда, когда масса церковная почувствуетъ интересъ къ церковнымъ порядкамъ, приметъ участіе въ устроеніи церковной жизни—не критическими нападками на ея недостатки, а созидательной работою надъ ихъ устраненіемъ.

И вотъ, когда заходитъ рѣчь о такой реформѣ, какъ результатъ оживленія церковности въ массѣ русскаго народа, тогда является новое сомнѣніе въ ея успѣшности. Для Россіи и въ политическомъ и въ церковномъ отношеніи необходимо коренное обновленіе. О немъ постоянно говорятъ и пишутъ. Но для такого обновленія необходимъ творческій народный порывъ. А его нѣтъ или онъ не обнаруживается. Въ великія историческія эпохи народъ шелъ за вождями, знавшими, куда его вести. Гдѣ теперь эти могучіе вожди? Много вождей, больше чѣмъ слѣдуетъ, призывающихъ ломать наличный строй. Но этого слишкомъ мало для обновленія народа. Гдѣ же причина этого оскудѣнія въ людяхъ, въ талантахъ, въ герояхъ, которыхъ мало на войнѣ и не больше среди мирныхъ общественныхъ дѣятелей? Полтора года Россія, точно зачарованная летаргическимъ сномъ, хочетъ проснуться и не можетъ. Ея гнѣвъ на безсиліе не улучшаетъ пока дѣла, потому что безсильны до сихъ поръ всѣ классы общества. Христіанскіе пастыри указываютъ внутреннюю причину этого безсилія—это упадокъ не только церковности въ жизни общества, но и элементарныхъ основъ нравственности,—этихъ коренныхъ устоевъ общественнаго развитія. Мы слышали это указаніе въ письмѣ митроп. Антонія послѣ Мукденскаго боя,—письмѣ, осмѣянномъ свѣтскими публицистами. Мы читали его въ проповѣди преосв. Антонія Волынскаго о страшномъ

судѣ и въ поученіяхъ другихъ пастырей. Теперь мы читаемъ это указаніе въ статьѣ преосвящ. Иннокентія, напечатанной въ далекомъ Китаѣ («Извѣстія братства Правосл. Церкви въ Китаѣ, вып. 2 и 3 за 1905 г.»)... «Едва ли погрѣшимъ, если опредѣлимъ причину преждевременной дряхлости молодой русской націи: все спилось, нравственно развратилось и потеряло всякую вѣру!.. Пьянство, развратъ и полное безвѣріе въ такой степени въѣлись въ наши войска, что и самый Красный Крестъ, это дивное и святое учрежденіе, уже запятнало себя той репутаціей, отъ которой надо бѣжать. Пришлось наблюдать надъ выходцами изъ Портъ-Артура при проѣздѣ ихъ чрезъ г. Шанхай. Прежде думалось увидѣть въ лицѣ ихъ нравственно и духовно обновленныхъ героевъ русской православной крѣпости, какъ было затѣмъ тяжело разочароваться въ этомъ! Положительно приходилось краснѣть за ихъ безнравственное и позорное поведеніе. Такъ и представляется, что выѣхала какая-то упитанная и развратная орда, у которой нѣтъ ничего святого, находящая единственнымъ своимъ утѣшеніемъ полнѣйшій разгулъ и безчинство. Городской полиціи приходилось сотнями подбирать на улицахъ пьяныхъ и буйныхъ русскихъ «страдальцевъ» за вѣру, царя и отечество. Къ этому слѣдуетъ прибавить многочисленные голоса публицистовъ о равнодушіи и тупости, съ какими общество русское встрѣчало послѣднія извѣстія о русскихъ пораженіяхъ, особенно извѣстія о кутежахъ и гуляньяхъ послѣ Цусимскаго боя. Они опозорили и осрамили русское имя больше, чѣмъ даже самая сдача Портъ-Артура, и на насъ теперь не могутъ не смотрѣть съ презрѣніемъ не только европейцы, но и сами язычники — китайцы. Я могу, не обинуяся, сказать, что только пьянство и развратъ довели нашу Россію до такого ужаснаго состоянія. И города, и села, и деревни давно гибнутъ отъ этихъ язвъ. Отовсюду раздаются тяжелые вздохи и жалобы на то, что православный русскій народъ сталъ не тѣмъ, чѣмъ былъ раньше, измельчалъ, спился, извѣрился и развратился, и что съ такимъ народомъ нельзя идти по пути духовнаго развитія и мірового прогресса. Сказавши затѣмъ, что государственныя реформы сами по себѣ безсильны обновить и возродить общество, преосвященный авторъ продолжаетъ. «Нѣтъ, не тамъ мы ищемъ истины, и не къ свѣту мы обращаемся. Удивительно, почему мы не желаемъ, какъ въ зеркало, заглянуть въ книгу откровеній? Мы какъ будто

стыдимся своей вѣры въ Божественное Слово, какъ будто бы оно не къ намъ обращено и не для насъ написано... Но стоитъ отрѣшиться отъ нашего стыдливаго, малодушнаго обращенія со своею дорогою вѣрою, за которую страдали искони вѣковъ наши творцы церковно-государственнаго порядка, и которая одна только спасала насъ въ смутныя времена» (Церковный Вѣстникъ, 1905 г., № 28—29).

Грустныя, тяжелыя мысли. Какъ рѣзко расходятся онѣ съ тѣми свѣтлыми чаяніями, которыя такъ трогательно вылились подъ перомъ пресвящ. Евдокима. Но гдѣ, не у преосвященнаго ли Иннокентія больше трезвой правды? Впрочемъ, и онъ закончилъ свою статью призывомъ къ церковной реформѣ. Но послѣ того, что имъ сказано о нравственномъ уровнѣ русскаго общества, осуществленіе реформы уже не представляется такимъ легкимъ дѣломъ, какъ это можетъ показаться при чтеніи статьи преосвящ. Евдокима.

Невеселыя мысли. Говорятъ—что же молчитъ духовенство? Почему оно не вноситъ умиротворенія въ жизнь? Но правы ли, чистосердечны ли, по крайней мѣрѣ, тѣ, кто говоритъ это? Въ самомъ ли дѣлѣ они хотятъ слушать умиротворяющій голосъ духовенства? Или имъ хочется лишній разъ бросить камень въ духовенство? И духовенство состоитъ изъ обыкновенныхъ людей. И оно можетъ почувствовать растерянность и уныніе, особенно въ среднихъ своихъ силахъ. Поменьше озлобленія, побольше вдумчивости и любви. Тогда, быть можетъ, мы и услышимъ пастырскіе голоса, какихъ не могли слышать по озлобленности и предубѣжденію. О, ихъ не мало—этихъ твердыхъ пастырскихъ голосовъ! Либеральные органы привыкли считать эти голоса ретроградными; но это грубая ошибка или огульное обвиненіе. По большей части пастыри ратуютъ не за общественный застой, а за мирную реформу. Но посмотрите, съ какою нѣжною терпимостію, съ какимъ христіанскимъ снисхожденіемъ относятся эти пастыри къ своимъ пасомымъ, хотя бы и не согласнымъ съ ними въ оцѣнкѣ переживаемаго волненія. Извѣстно, что волна оппозиціи, остановившая теченіе университетской жизни, въ прошедшемъ учебномъ году коснулась и нашихъ духовныхъ академій. Тяжело достался этотъ годъ и студентамъ, и начальству. И вотъ какъ напутствовалъ своихъ питомцевъ ректоръ Петербургской академіи, преосвящ. Сергій.

«Вмѣстѣ со всей нашей родиной мы пережили годину самыхъ горькихъ испытаній, позора и разочарованія. Дома у насъ шла еще болѣе тягостная борьба мнѣній и настроеній, окончательно нарушившая наше духовное равновѣсіе, пошатнувшая даже и тѣлесное здоровье нѣкоторыхъ. Разстроенные и смущенные, мы уже начинали терять подъ ногами идейную почву, и наши споры и раздѣленія уже грозили перейти въ обычную борьбу партій, которая руководится уже не исканіемъ истины и правды, а однимъ взаимнымъ недоброжелательствомъ, партійнымъ раздраженіемъ. Созидалась духовная атмосфера, почти невыносимая, и дальнѣйшая совмѣстная наша жизнь дѣлалась почти невозможной. губительной для нашего духовнаго бытія. Вотъ что заставляетъ насъ вздохнуть съ облегченіемъ и радостно благодарить Бога, что онъ сократилъ эти наши тяжкіе дни! Удалившись изъ этой обстановки, не видя предъ собою ни предмета пререканія, ни своихъ совопросниковъ, каждый изъ насъ можетъ безпрепятственно отдаться служенію истинѣ и царству Божію, какъ онъ понимаетъ это служеніе (такъ какъ я думаю, что и та и другая сторона, при всемъ ихъ разногласіи, все-таки хотѣла быть вѣрной истинѣ, хотѣла исполнить правду). И я увѣренъ, что со временемъ, когда окончательно возстановится наше душевное равновѣсіе, когда разсѣется туманъ взаимнаго раздраженія, застилавшій наши душевныя очи, тогда снова для насъ будетъ дорога и академія, и вся наша академическая обстановка, дороги будутъ и всѣ тѣ, съ кѣмъ мы здѣсь спорили и раздѣлялись, отрадно будетъ для насъ вспомнить даже и эту самую нашу борьбу, столь насъ теперь измучившую, потому что, при всей нашей страстности и увлеченіяхъ съ той и съ другой стороны, она была все-таки идейной борьбой. Вспомнится намъ тогда и все то хорошее, вѣчное, что нами пережито въ академіи, всѣ хорошія мысли и чувства, всѣ тѣ свѣтлыя минуты, когда мы, каждый въ отдѣльности, а иногда и всѣ вмѣстѣ, какъ одна семья, жили вѣрой во Христа, любовью къ истинѣ. И эти свѣтлыя, ободряющія воспоминанія, несомнѣнно, будутъ дороги для насъ, какъ маякъ среди житейской суеты, какъ точка опоры противъ засасывающей тины будничнаго благополучія, и не разъ насъ предохранятъ отъ окончательнаго паденія, отъ окончательной измѣны когда-то дорогимъ и священнымъ идеаламъ» (Церк. Вѣстн. 1905, № 25).

VI.

Миръ послѣ несчастной войны и его оцѣнка. Привычка къ массовымъ убійствамъ и потеря чувствительности—одинъ изъ крупныхъ результатовъ войны. Государственная Дума—другой результатъ ея. Чего ждать и чего опасаться при новой системѣ государственнаго управленія. Призывъ духовенства на путь политической борьбы. Отношеніе къ нему духовенства. Признаки возбужденнаго настроенія въ духовенствѣ, обнаружившіеся на нѣкоторыхъ епархіальныхъ съѣздахъ. Пониманіе истинныхъ нуждъ церкви, выразившееся на финляндскомъ и могилевскомъ съѣздахъ. Значеніе такихъ съѣздовъ въ будущемъ.

«Съ миромъ привѣтствуемъ. Внутри еще что-то клокочетъ, какъ будто борьба еще не кончена, будто хочется за что-то ухватиться, будто хотимъ оттолкнуть любовную руку Христа, словно не можемъ вмѣстить души ангела мира. Боже мой, какъ далеки евангельскія небеса! Тамъ въ лучезарномъ сіяніи высится престолъ Примирителя, звучитъ: «Слава въ вышнихъ Богу, на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе», а человѣци мятутся, кипятъ страстной злобой ихъ сердца, льется потоками кровь, гибнутъ тысячи жизней; вездѣ кровь, зависть, гордость... Вы побѣдили! Свѣтлымъ лучомъ въ нашу темную жизнь вливается духовная побѣда. Странно звучитъ слово «побѣда», когда затемняютъ взоръ условные признаки униженія, горя, позора. Сердце болитъ! Развѣ ваше сердце не болѣло? Развѣ каждый моментъ этой борьбы не выстраданъ всѣмъ существомъ вашимъ? Не смущайтесь же, если раздадутся суровое честное слово и упрекъ! Не судите строго. Это будутъ тоже голоса любящихъ свою родину. Пройдетъ время, рана заживетъ, Русь окрѣпнетъ, и то, что стоило вамъ столько усилій, станетъ вдвойнѣ хорошимъ. Вѣдь минувшіе годы войны—одинъ мигъ»!.. (Нов. Вр. 10591).

Такъ говорилъ священникъ Александръ Хотовицкій въ Портсмутѣ нашимъ дипломатамъ, участвовавшимъ въ подписаніи мирнаго договора. Хороша ли эта рѣчь? Въ извѣстномъ

смыслѣ—превосходна. Здѣсь все есть: и патріотизмъ, и христіанское миролюбіе и даже объективный взглядъ на дѣло, представляющій наше униженіе и позоръ лишь условными спутниками мира. Но больно читать эту рѣчь. Припоминаются другія рѣчи и даже церковныя молитвы—о коварствѣ и дерзости врага, котораго слѣдуетъ наказать, которому необходимо указать соотвѣтствующее мѣсто. Война съ Японіей объявлялась борьбой за христіанство противъ язычества, ради которой не слѣдуетъ жалѣть ни силъ, ни средствъ. Теперь это забыто, и церковные проповѣдники прославляютъ миръ. Что если бы условія мира были продиктованы полтора года назадъ? Они вызвали бы громовыя рѣчи противъ притязаній врага. А теперь русская дипломатія торжествуетъ, заключивши столь «почетный» миръ. Конечно, миръ—великое дѣло, а можетъ быть, онъ теперь — дѣло необходимости. И молитва о мирѣ есть дѣло пастыря. Но зачѣмъ этотъ оппортюнизмъ, это желаніе во что бы то ни стало оправдать, обѣлить, прославить все, что происходитъ на нашей грѣшной землѣ? И не оттого ли проповѣдники такъ мало пользуются довѣріемъ, что они унаслѣдовали этотъ оппортюнизмъ? Проповѣдь обращается въ стилистическую и діалектическую задачу. И опытный слушатель, подходя къ церковной каѳедрѣ, думаетъ не о томъ, что сейчасъ онъ услышитъ слово назиданія, а о томъ, что онъ будетъ наблюдать опыты умственной гимнастики. Я помню это именно ожиданіе еще изъ времени обученія въ семинаріи. Каждое воскресенье мы слушали проповѣдника изъ своей же братіи и подвергали его рѣчь самой придирчивой критикѣ. Искусный стилистическій оборотъ, логическій вывертъ—вотъ что цѣнили мы—семинаристы въ этихъ проповѣдяхъ. Теперь не тоже ли наблюдается у многихъ опытныхъ церковныхъ ораторовъ?

«Вѣдь минувшіе годы войны—одинъ мигъ»... Да, передъ вѣчностью. Sub specie aeternitatis». О, какой стилистическій вывертъ! Вѣдь это принципъ христіанскаго пастырства — все разсматривать при свѣтѣ вѣчности?! Итакъ — формально ораторъ стоитъ на высотѣ положенія. Но въ то же время какая ложь! Развѣ это мигъ — пережить навыразимые ужасы несчастной войны? Въ день, въ два гибли десятки тысячъ людей, а сотни тысячъ другихъ, оставшихся дома кровныхъ родныхъ, въ глубинѣ сердецъ своихъ испытали ужасы потери близкихъ людей.

Но что̀ еще важнѣе—стомилліонное населеніе страны тоже пережило эти ужасы. Говорятъ, страданье размягчаетъ душу и зрѣлище страданій учитъ милосердію. Къ глубокому прискорбію, есть и обратное вліяніе страданій. И опытъ минувшей войны показалъ, что зрѣлище страданій притупляетъ чувствительность. Припомните собственныя ощущенія въ началѣ войны. Первыя извѣстія о единичныхъ потеряхъ волновали насъ. И фактъ единственной убитой женщины-матери во Владивостокѣ болѣзненно отозвался въ странѣ. Но потомъ началась головокружительная прогрессія. Петропавловскъ — съ 900 человѣкъ погибшихъ ошеломилъ насъ,—мы не ждали такихъ крупныхъ жертвъ. Затѣмъ послѣдовалъ Тюренченъ—съ тысячами погибшихъ. Впечатлѣніе поднялось еще выше. Но за Кинчжоу съ его невѣроятными ужасами мы «освоились» съ войной. И когда подъ Ляояномъ, Шахэ, Мукденомъ и Цусимой гибли десятки тысячъ молодыхъ жизней,—русское общество уже не обнаруживало прежней чувствительности. Больше было критики существующаго политическаго строя, чѣмъ жалости къ погибшимъ. А теперь мы утѣшаемся тѣмъ, что прошедшіе годы войны—мигъ предъ вѣчностью. Въ этомъ притупленіи чувствительности самое главное зло войны. Она внесла такой минусъ въ народное самосознаніе, предъ которымъ блѣднѣютъ внѣшнія унизительныя уступки. Посмотрите, какъ легко теперь относится общество къ убійствамъ, особенно къ политическимъ убійствамъ. Убійство администратора или просто полицейскаго, какъ будто, перестало считаться нравственнымъ преступленіемъ, а считается обычнымъ средствомъ партійной политической борьбы. Какъ спокойно читаются извѣстія о случаяхъ массовой рѣзни на Кавказѣ, въ Польшѣ!

Но зато, говорятъ, война дала крупный національно-политическій плюсъ въ видѣ Государственной Думы. Страна вступила на новый путь живого общенія между властью и народомъ. Съ 6 августа начинается новый томъ въ исторіи Россіи, рѣшительно отличающійся отъ предшествующаго. Да, будущность, открывающаяся русскому обществу послѣ 6 августа, даетъ надежду на многія коренныя реформы. Было бы, конечно, преждевременно оцѣнивать характеръ дѣятельности только что учреждаемой Думы. Но нельзя не привѣтствовать это учрежденіе хотя бы въ виду его контролирующаго значенія. Одна возможность тратить трудовыя народныя деньги съ согласія

народныхъ избранниковъ многое измѣняетъ въ нардной жизни. Опасеніе лишь въ томъ, насколько эти избранники окажутся выразителями подлинныхъ народныхъ нуждъ. Въ сущности только это опасеніе и служило и служитъ солиднымъ возраженіемъ со стороны искреннихъ консерваторовъ противъ народнаго представительства.

Какъ отнеслось русское общество къ этому крупному факту? Приходится наблюдать въ общемъ малое вниманіе къ этому акту со стороны обывателей. Вѣроятно, здѣсь сказалось отсутствіе политической подготовки. Это худо, потому что подтверждаетъ только что высказанное опасеніе. При всякомъ участіи въ дѣлѣ массы, средняго обывателя, въ качествѣ народныхъ представителей легко могутъ оказаться люди односторонніе, партійные. А тогда дѣло преобразованій можетъ направиться не къ пользѣ, а ко вреду для страны.

Какъ отразится новая реформа на церкви и духовенствѣ? Если народное представительство дѣйствительно будетъ выражать нужды и запросы коренного населенія, то можно ожидать отъ реформы существенныхъ и положительныхъ результатовъ для церкви. Какъ ни сильна пропаганда религіозныхъ заблужденій, народное ядро остается вѣрнымъ Православію. Послѣ указа 17 апрѣля о вѣротерпимости совершаются массовыя отпаденія отъ православія на окраинахъ, особенно въ Западномъ краѣ. Признавая эти отпаденія печальнымъ, но неизбѣжнымъ слѣдствіемъ прежняго положенія церкви, православное населеніе можетъ надѣяться, что существеннаго вреда церкви эти отпаденія не принесутъ, что за ними послѣдуетъ пробужденіе церковныхъ интересовъ тамъ, гдѣ раньше они отсутствовали. До сихъ поръ это пробужденіе сказалось въ печати въ критической формѣ обличенія церковныхъ порядковъ.

Будемъ надѣяться, что народное представительство не въ дешевыхъ обличеніяхъ поставитъ свою задачу, а укажетъ мѣры къ устраненію тѣхъ церковныхъ нестроеній, какія особенно рѣжутъ глаза въ отношеніяхъ духовенства и паствы. Вопросъ объ обезпеченіи духовенства въ связи съ его сословностью или безсословностью — вотъ что стоитъ на первой очереди для народныхъ представителей въ области церковныхъ вопросовъ. И если выразители народныхъ нуждъ помогутъ правительству рѣшить этотъ тягостный вопросъ, то церковная жизнь освободится отъ великаго тормаза въ своемъ развитіи. Пастыри

церкви должны пойти на встрѣчу этимъ запросамъ народнымъ. Можно предвидѣть, что для многихъ изъ нихъ будетъ большимъ соблазномъ обычное смѣшеніе понятій церкви и духовенства. Когда народные представители посягнутъ на замкнутость духовнаго сословія, многіе пастыри будутъ отстаивать эту замкнутость, какъ оплотъ вѣры. Въ этомъ страшная опасность взаимнаго отчужденія пастырей и паствы. Съ другой стороны, и народные представители могутъ сойти съ законной почвы и счесть себя въ правѣ рѣшать вопросы о внутреннихъ преобразованіяхъ церкви. И тогда произойдетъ разладъ, гибельный для церковнаго дѣла. Вотъ почему архипастыри и пастыри съ опасеніемъ встрѣчаютъ новый актъ. А радикальная печать, съ злорадствомъ подхватывающая каждое темное явленіе церковной жизни и съ ненавистью отзывающаяся о духовныхъ лицахъ, какъ черносотенцахъ, не разсѣеваетъ, а только увеличиваетъ эти опасенія.

Какой дѣятельности слѣдуетъ ждать и желать отъ представителей духовенства при новомъ порядкѣ законодательства? Дай Богъ, чтобы она была чужда узкихъ, сословныхъ интересовъ и направлялась на благо церкви и народа. Но не дай Богъ, чтобы представители сословія подпали вліянію радикальной печати, которая, подъ видомъ радѣнія о религіи и церкви, зоветъ пастырей на путь революціи. Вотъ какъ формулируется предстоящая работа духовенства въ «Вопросахъ Жизни».

«Пора перестать бояться (слова «революція»). Революція есть освободительное движеніе снизу, но формы этого движенія могутъ быть очень разнообразны». Для духовенства формой революціоннаго движенія журналъ рекомендуетъ образованіе «всероссійскаго союза духовенства, ставящаго задачей нравственное объединеніе подъ знаменемъ церковнаго (а стало быть и общероссійскаго) освобожденія... Зачатки этихъ профессіональныхъ организацій солидарно настроеннаго духовенства уже имѣются, частью же создаются за послѣднее время (выше журналъ изложилъ исторію съѣзда грузинскаго духовенства въ Тифлисѣ 21—31 мая, прекращеннаго при участіи полиціи), но они должны объединиться между собою, а это возможно всего удобнѣе при посредствѣ общаго съѣзда представителей прогрессивнаго духовенства. Извѣстно, что всѣ профессіональные союзы профессоровъ, литераторовъ, адвокатовъ и т. д. возникали послѣ съѣздовъ, какъ прямой

результатъ. Само собой разумѣется, что такой *частный* съѣздъ представителей лишь одного прогрессивнаго теченія отъ духовенства, одной лишь, такъ сказать, церковной партіи не имѣетъ ничего общаго съ помѣстнымъ соборомъ. Но онъ будетъ имѣть большое значеніе и для этого послѣдняго, ибо, конечно, въ этомъ собраніи будутъ обсуждаться, и вопросы, прямо относящіеся до устройства церкви, сообща могутъ вырабатываться точки зрѣнія и общія платформы». Кромѣ этой задачи, журналъ ставитъ съѣзду и союзу духовенства другую—борьбу съ правительствомъ, «разрывъ противо естественнаго союза православія и самодержавія». «Профессіональная организація—путь уже испытанный и не только грузинскимъ духовенствомъ, но и многочисленными общественными группами въ Россіи. Нечего духовенству шокироваться тѣмъ, что приходится учиться у свѣтскихъ, нецерковныхъ людей. Представителямъ церкви нужно многому учиться у нашей интеллигенціи, въ особенности же *во всемъ, что касается освободительной борьбы* [1]), тяжесть которой она несла на своихъ плечахъ въ то время еще, когда представители церкви исполняли охранительно-бюрократическую службу, и даже не только за страхъ, но и за совѣсть. И *во всемъ, что касается методовъ дѣйствія и тактики* [1]), она имѣетъ огромный и въ высшей степени цѣнный опытъ, столь полезный и поучительный для нашего, находящагося въ состояніи еще политическаго младенчества, духовенства» (Вопросы жизни. 1905 августъ, стр. 291—295),

Исторія съѣзда депутатовъ грузинскаго духовенства разсматривается журналомъ, какъ начало и образецъ такой именно борьбы. При этомъ дѣйствія полиціи особенно подчеркиваются, какъ мѣры правительства (на этотъ разъ—церковнаго), а антиправительственныя манифестаціи, обнаруженныя во время съѣзда, изображаются такими смягченными тонами, что неопытный читатель становится всецѣло на сторонѣ потерпѣвшихъ. Обычный пріемъ. Если полиція или народная масса употребляетъ репрессивныя мѣры по отношенію къ интеллигенціи, это клеймится печатью омерзенія. Если интеллигенція изощряется въ изготовленіи орудій насилія—это провозглашается борьбой за свободу. Гдѣ же здѣсь безпристрастіе? И въ какомъ фальшивомъ положеніи окажется духовенство, примкнувши къ радикальной части интеллигенціи? А вѣдь ду-

[1]) Курсивъ нашъ.

ховенство приглашаютъ учиться у интеллигенціи «во всемъ, что касается методовъ дѣйствія и тактики». Мы боимся допустить передержку: можетъ быть, только что приведенныя фразы нечаянно сорвались съ языка автора,—тогда на нихъ не слѣдуетъ останавливаться. Но если они продуманы и выражаютъ убѣжденіе автора—руководителя журнала, тогда ихъ слѣдуетъ подчеркнуть и показать тѣмъ, кто соблазняется логическимъ строемъ его рѣчи: практическіе выводы отрезвятъ неопытныхъ читателей.

Нѣтъ, христіанство признаетъ законность только революціи духа, совершающейся помощью мирныхъ, безкровныхъ средствъ. Поэтому отрадно читать рѣчи пастырей, проповѣдующихъ только эту революцію. Такую именно рѣчь сказалъ преосвящ. Сергій, управляющій Финляндской епархіей, въ Гельсингфорскомъ Успенскомъ соборѣ 15 августа, послѣ чтенія манифеста объ учрежденіи Государственной Думы. Какъ пастырь, онъ отказывается оцѣнивать новое государственное устройство и подводить итогъ старому. Онъ видитъ залогъ государственнаго благополучія не въ политическихъ реформахъ, а въ христіанской вѣрѣ, которая была для Россіи спасительнымъ маякомъ въ трудныя эпохи жизни. Проповѣдь этой вѣры, а не политической программы, онъ считаетъ дѣломъ пастырей. Такая проповѣдь есть не одно духовное, а и патріотическое служеніе духовенства (Церк. Вѣстн. 1905, № 34).

Для такихъ пастырей нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что духовенство, какъ собраніе пастырей, не имѣетъ представителей въ Государственной Думѣ. Напротивъ, для нихъ кажется подозрительною проповѣдь С. Ѳ. Шарапова о томъ, чтобы выборы въ Думу совершались подъ сѣнью церкви, и чтобы организовалась особая церковная партія, которая бы явилась защитницею правъ коренного русскаго населенія. Опасно, какъ бы политика не вторглась въ храмъ, и какъ бы храмъ не сдѣлался политическимъ клубомъ. Дѣло пастыря во время крупныхъ политическихъ переворотовъ—молиться о помощи Божіей людямъ при новыхъ порядкахъ и проповѣдывать евангельскіе завѣты любви, мира и братства. Это гораздо выше, чѣмъ восхвалять всякій политическій актъ, доказывать, что онъ ведетъ къ культурному прогрессу. Вотъ здѣсь умѣстно помнить пастырское правило — все оцѣнивать sub specie aeternitatis, но не придавать безусловнаго значенія тому, что

измѣняется и должно измѣняться, отпадать, какъ отцвѣтшіе стебли отъ свѣжаго растенія, по мѣрѣ нарожденія новыхъ условій существованія.

Радикальная печать уже торжествуетъ побѣду по поводу такихъ фактовъ, какъ съѣздъ грузинскаго духовенства. Нужно прямо смотрѣть въ глаза дѣйствительности. Тифлисскій съѣздъ 29—31 мая хотя и есть явленіе исключительное, вызванное историческими и племенными особенностями въ жизни грузинскаго духовенства, но онъ можетъ быть чреватъ послѣдствіями въ будущемъ и для всего нашего духовенства. При современномъ возбужденномъ настроеніи всего населенія, и духовенство утрачиваетъ прежнее, быть можетъ, только видимое спокойствіе. И его коснулась общественная нервность и раздражительность. Это сказывается въ газетныхъ статьяхъ многихъ духовныхъ лицъ, проникнутыхъ страстнымъ негодованіемъ противъ теперешнихъ условій существованія. Но особенно это обнаружилось въ приподнятомъ настроеніи епархіальныхъ съѣздовъ за лѣтніе мѣсяцы. Настоящей политики на нихъ еще не было. Но тонъ недовольства наличными порядками сказался рѣзко. Достаточно указать для примѣра съѣзды костромской, виленскій. Для характеристики укажемъ мелкій, но выразительный фактъ, имѣвшій мѣсто на костромскомъ съѣздѣ.

«22 августа, къ 9 ч. утра, депутаты, по установившемуся обычаю, явились въ духовную семинарію—мѣсто ихъ засѣданія», откуда, по распоряженію преосвящ. Тихона, они должны были отправиться за его архипастырскимъ благословеніемъ въ Ипатіевскій монастырь, за три версты отъ семинаріи. «О.о. депутаты отказались идти въ монастырь,ославъ извѣстить объ этомъ двухъ протоіереевъ и прося архіерея пожаловать для открытія съѣзда. При этомъ указывали на обычный порядокъ и обязанность пріѣзда самого архіерея для открытія собраній и на то, что за три версты и по дождю тащиться въ монастырь нѣтъ никакого желанія, и что архіерею сдѣлать это наиболѣе удобно, такъ какъ къ услугамъ его всегда покойная крытая карета. Посланные возвратились, вновь подтвердили требованіе, заявивъ, что, при неисполненіи его, архіерей пригрозилъ доносомъ въ синодъ, неоткрытіемъ съѣзда и прочими тягостями. Нечего дѣлать, пошли о.о. депутаты по грязи пѣшкомъ за 3 версты». Мы привели фактъ словами

газетной корреспонденціи (Нов. Вр. 1905. № 10591), издающей тоже современный букетъ. Ясно, каковы отношенія между пастырями и архипастыремъ. Еще яснѣе, что при такихъ отношеніяхъ ничтожный поводъ служитъ къ серьезной демонстраціи. Таковъ фактъ. При дѣятельной агитаціи радикальной печати противъ существующаго строя, при настоящихъ призывахъ духовенства къ новому курсу, этотъ фактъ можетъ имѣть чрезвычайныя послѣдствія. Подъ видомъ борьбы за благо Церкви, и въ духовенствѣ можетъ утвердиться дешевое, но пагубное политиканство, во всемъ обвиняющее власть, якобы не позволяющую дѣлать живое пастырское дѣло.

А между тѣмъ, если всегда единеніе архипастыря съ пастырями есть условіе успѣха духовнаго дѣла, то теперь это условіе необходимо въ особенности. Духовенству открывается столько новаго, еще неорганизованнаго дѣла, что осилить его единичными усиліями немыслимо.

Прежде всего, на окраинахъ пастыри уже испытали множество затрудненій при осуществленіи указа 17 апрѣля о вѣротерпимости. Въ «Правосл. Путеводителѣ» уже была указана неизбѣжность этихъ затрудненій, явившихся слѣдствіемъ того, что формулировка новаго положенія о вѣротерпимости сдѣлана Комитетомъ Министровъ, а не Церковью (1905, іюнь, стр. 921 — 922). Какъ выйти изъ нихъ, это можетъ разрѣшить или церковный соборъ или, по крайней мѣрѣ, пастырскій съѣздъ, возглавленный архипастыремъ. Такіе съѣзды и имѣли мѣсто въ нѣсколькихъ окраинныхъ епархіяхъ: виленской, могилевской, финляндской. Мы отмѣтимъ два такихъ съѣзда — финляндскій и могилевскій, разсужденія которыхъ оглашены въ печати.

Финляндскій съѣздъ былъ собранъ въ Валаамскомъ монастырѣ и открытъ молебствіемъ предъ мощами преп. Сергія и Германа. Начиная съ этого необычнаго пункта собранія, съѣздъ вообще имѣлъ своеобразную окраску. Его членами были не одни духовныя лица, но и міряне. И предметами совѣщаній были не обычные экономическіе вопросы, а прежде всего пастырскіе — о характерѣ обученія, о богослужебномъ языкѣ, о средствахъ борьбы съ протестантизмомъ и т. п.

Но особенно знаменателенъ въ этомъ отношеніи Могилевскій съѣздъ, бывшій въ маѣ мѣсяцѣ. Онъ происходилъ подъ предсѣдательствомъ преосвящ. Стефана, одного изъ самыхъ

отзывчивыхъ нашихъ архипастырей. Владыка открылъ съѣздъ рѣчью, въ которой обрисовалъ положеніе Церкви послѣ указа 17 апрѣля о вѣротерпимости. Указавши, какія тяжелыя послѣдствія уже начали возникать на почвѣ этого указа, Владыка пригласилъ пастырей высказать свои сужденія о мѣрахъ борьбы за православіе противъ религіозныхъ заблужденій. Затѣмъ послѣдовалъ обмѣнъ мнѣній по вопросамъ о пропагандѣ инославія, о характерѣ миссіонерства, о преподаваніи Закона Божія въ школахъ, о проповѣди, внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ и т. д. Люди живого дѣла здѣсь подавали свой голосъ для выработки согласныхъ мѣръ борьбы за вѣру. При этомъ съѣздъ выяснилъ, что указъ 17 апрѣля часто ставитъ священника въ безвыходное положеніе: часто согласиться съ нимъ—значитъ отречься отъ каноновъ церковныхъ. Особенно это отмѣчено въ брачной практикѣ. Бракъ православнаго съ «нѣтовцемъ» или «самокрещенцемъ», разрѣшаемый указомъ 17 апрѣля, въ сущности равносиленъ браку христіанина съ язычницей. Попутно былъ поднятъ вопросъ о стѣсненіяхъ предъ совершеніемъ брака (предбрачныхъ предосторожностяхъ), о троекратныхъ оглашеніяхъ, объ испрошеніи епископскаго разрѣшенія на бракъ въ 5 и 6 степеняхъ родства. Регистрація бывшихъ и небывшихъ у исповѣди и св. Причастія въ прежнемъ видѣ признана тяжелою, но безцѣльною обузой для духовенства. О подобныхъ нуждахъ и недоумѣніяхъ съѣздъ счелъ нужнымъ просить разъясненія у Св. Синода. Освѣщеніе нѣкоторыхъ вопросовъ церковной практики, сдѣланное съѣздомъ, весьма интересно и жизненно даже въ краткой передачѣ корреспонденціи «Церковныхъ Вѣдомостей» (1905, №№ 28, 30 и 34). Въ частности, въ миссіонерскомъ журналѣ полезно отмѣтить одно мнѣніе о постановкѣ противораскольнической и противосектантской миссіи. Бывшій миссіонеръ о. Голынецъ засвидѣтельствовалъ, что до сихъ поръ миссіонерскія бесѣды были полезны не для православныхъ, а для раскольниковъ и сектантовъ. Православные почти ничего не выносили изъ этихъ бесѣдъ. Между тѣмъ раскольниковъ они заставляли готовиться къ нимъ, вникать въ свое міровоззрѣніе. «Идеи—что гвозди: чѣмъ больше по нимъ бьютъ, тѣмъ больше онѣ проникаютъ» (Ц. В. № 30). Необходимо поэтому оставить эту тактику. Не съ раскольниками и сектантами слѣдуетъ вступать въ пренія, а православную массу, не знаю-

щую ученія вѣры, нужно назидать пастырскими поученіями въ духѣ вѣры и любви.

Будемъ надѣяться, что финляндскій и могилевскій съѣзды только начало новаго положенія съѣздовъ. Польза такихъ съѣздовъ несомнѣнна, а для настоящаго времени только такіе съѣзды и имѣютъ положительное значеніе. Ими особенно нужно дорожить въ виду предстоящаго великаго церковнаго дѣла. Мы знаемъ, что Помѣстный соборъ всероссійской Церкви не воспрещенъ, а только отложенъ до болѣе благопріятнаго времени. Слѣдовательно, духовенство должно готовиться къ нему, выясняя нужды церковнаго дѣла и на мѣстахъ вырабатывая мѣры къ удовлетворенію этихъ нуждъ. Съѣзды, въ формѣ живыхъ бесѣдъ епископовъ съ паствою о церковныхъ нуждахъ, служатъ для этого наилучшимъ средствомъ.

Духовенство зовутъ къ революціи, которая по существу есть реформа, идущая снизу противъ верха. Это не церковное дѣло, потому что вытекаетъ изъ вражды, а не изъ любви, составляющей душу церковной жизни. Истинно церковное дѣло осуществляется въ союзѣ любви, а форма такого союза есть церковная молитва и живая бесѣда членовъ Церкви, возглавленныхъ епископомъ. Почему до сихъ поръ мало такихъ съѣздовъ? Потому, что епископы далеко стоятъ отъ пресвитеровъ и мірянъ. Почему это случилось, объ этомъ отлагаемъ рѣчь до другого раза. А теперь скажемъ, что отъ взаимнаго отчужденія страдаютъ епископы не меньше, чѣмъ священники и міряне. Дай Богъ, чтобы грядущая церковная реформа нашла выходъ изъ тягостнаго положенія. Но для этого ея руководители должны съ особенною внимательностью присматриваться къ такимъ живымъ явленіямъ, какъ могилевскій съѣздъ.

VII

Отношеніе между епархіальною властью и духовенствомъ. Стремленіе духовенства къ самоуправленію. Ограниченіе епископской власти. Необходимость пресвитерскаго участія въ управленіи, какъ совѣщательнаго органа. Выборное начало въ управленіи церковномъ. Опасность церковной анархіи. Признаки анархіи — забастовки духовныхъ семинарій. Связь этого движенія съ общественнымъ настроеніемъ. Его корни — въ прошломъ положеніи духовенства. Необходимость единенія архипастырей и пастырей для достиженія церковныхъ преобразованій и умиротворенія страны.

Для защиты Церкви отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и для церковныхъ преобразованій, сообразныхъ каноническимъ положеніямъ и требованіямъ времени, необходимо призвать на общую работу не только іерарховъ, но и все бѣлое духовенство и мірянъ, исповѣдующихъ церковное ученіе. Начало такой совмѣстной работы мы указали (см. обозрѣніе VI) въ съѣздахъ духовенства Финляндскомъ и Могилевскомъ. Но тамъ же мы отмѣтили, что нѣкоторые съѣзды усвоили тонъ современныхъ свѣтскихъ союзовъ—походъ противъ власти, въ данномъ случаѣ епископской. Долгое время стѣсняемое даже въ выраженіи законныхъ взглядовъ, духовенство воспитало въ себѣ недовольство своимъ положеніемъ, и теперь, подъ вліяніемъ общаго ропота, выражаетъ это недовольство. Слѣдствіемъ этого является то, что и безъ того холодныя отношенія между епархіальнымъ начальствомъ и духовенствомъ дѣлаются натянутыми, почти враждебными. Это великое бѣдствіе для Церкви, грозящее внутреннимъ расколомъ, гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ историческій расколъ старообрядства.

Практическимъ слѣдствіемъ указанныхъ отношеній между епископами и духовенствомъ служитъ стремленіе духовенства къ самоуправленію. Мы отсылаемъ желающихъ познакомиться съ этимъ стремленіемъ къ многочисленнымъ статьямъ «Церковнаго Вѣстника». Духовенство требуетъ участія въ управленіи. Для этой цѣли оно желаетъ реорганизаціи консисто-

ріи, епархіальныхъ съѣздовъ, благочинническихъ совѣтовъ. Во избѣжаніе недоразумѣній при послѣдующемъ изложеніи, замѣтимъ, что реорганизація всѣхъ перечисленныхъ учрежденій необходима и на условіяхъ самыхъ широкихъ, коренныхъ перемѣнъ. Но въ требованіяхъ и ожиданіяхъ духовенства есть одна черта, несовмѣстимая съ каноническими основами православной Церкви. Это — негласное отрицаніе епископства, какъ живой канонической власти [1]). Дѣло представляется въ общемъ въ такихъ чертахъ. На мѣсто консисторіи организуется пресвитерскій совѣтъ, который и дѣйствуетъ въ качествѣ вспомогательнаго при епископѣ учрежденія. Многіе изъ духовенства желаютъ, чтобы члены пресвитерскаго совѣта были выборными. Но пресвитерскій совѣтъ не есть законодательная власть въ епархіи, — такою служатъ епархіальные съѣзды. Они именно вырабатываютъ наиболѣе существенныя постановленія для епархіи, а пресвитерскіе совѣты являются исполнительною властью, проводящею эти постановленія въ управленіи. Члены съѣздовъ — выборные отъ духовенства. Точно также благочинные должны избираться окружнымъ духовенствомъ. Не трудно видѣть во всемъ этомъ подражаніе замскому самоуправленію. Съѣзды духовенства = земскія собранія; благочинническіе совѣты и пресвитерскіе совѣты при епископѣ = земскія управы. Все это весьма соблазнительно и въ результатѣ можетъ дать церковную конституцію. Но гдѣ же здѣсь мѣсто для епископской власти? Не обращается ли и епископъ только въ исполнительный органъ власти епархіальнаго духовенства? Или это только археологическій орнаментъ, украшающій новое, по существу протестантское, устройство Церкви? Если же и епископъ сохранитъ дѣйствительную власть, то не окажется ли онъ въ положеніи современнаго губернатора, которому даны большія полномочія сверху; но всякій разъ, когда онъ рѣшится примѣнить ихъ на дѣлѣ, онъ наталкивается на неодолимыя препятствія въ мѣстномъ самоуправленіи, результатомъ чего оказывается рѣшительная, хотя часто и скрытая, война? Неужели и Церковь желаютъ подвергнуть этой же гибельной междоусобной войнѣ, и ее привести къ

[1]) По имѣющимся въ редакціи самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, такого отрицанія въ освободительномъ церковномъ движеніи нѣтъ. Движеніе идетъ открыто и никогда не поставляло и не поставитъ своею задачей неканонический образъ дѣйствій.

тому же горестному, но трудно поправимому распаду, къ какому пришло государство? Нѣтъ, Церкви нужны реформы не какъ источникъ новой вражды, а какъ средство для уничтоженія розни между властью и подчиненными. Необходимо дать новую постановку съѣздамъ и консисторіи, но не для того, чтобы отнять власть у епископовъ, а для того, чтобы сдѣлать пресвитерство живою вспомогательною силою при епископскомъ управленіи. Принципъ славянофильскаго самодержавія есть въ сущности заимствованіе изъ церковной сферы. «Народу — свобода мнѣнія, царю — сила власти». «Пресвитеры и діаконы, говоритъ 39 апост. правило, безъ воли епископа ничего да не совершаютъ. Ибо ему ввѣрены людіе Господни, и онъ воздастъ отвѣтъ о душахъ ихъ». Это правило необходимо помнить, когда заходитъ рѣчь о епархіальномъ управленіи. И только тогда пресвитерскіе совѣты и съѣзды духовенства не поведутъ къ церковной анархіи, а принесутъ громадное облегченіе епископу въ его многотрудномъ дѣлѣ.

Въ частности, это необходимо постоянно имѣть въ виду при осуществленіи выборнаго начала въ управленіи. Какъ и въ гражданскомъ управленіи, выборное начало имѣетъ двоякій смыслъ. Оно или помогаетъ верховной власти, доводя до его свѣдѣнія о дѣйствительныхъ нуждахъ страны, или ограничиваетъ ее, проводя свои законы и не соглашаясь съ ея распоряженіями. Когда годъ тому назадъ начался походъ «противъ бюрократіи», разныя газеты и союзы открыто высказывались за народное представительство перваго рода, конечно, потому что это было не столь опасно для говорившихъ и не столь страшно для власть имущихъ. Теперь, когда эти голоса возымѣли силу и положено начало *такому* народному представительству, обнаружилась вся неискренность этихъ голосовъ: теперь обнаружился сильнѣйшій походъ противъ такого представительства—за обычную западно-европейскую конституцію. Въ этотъ именно моментъ и выступило духовенство съ требованіемъ реформъ. И естественно, что идеи, носящіяся, такъ сказать, въ воздухѣ, повліяли на характеръ этихъ требованій, въ смыслѣ ограниченія епископской власти. Выборное начало замѣтно и въ приходѣ, и въ благочинническомъ совѣтѣ, и въ епархіальномъ съѣздѣ и въ пресвитерскомъ совѣтѣ. Когда міряне указываютъ епископу на лучшаго своего

со-члена, какъ на достойнаго кандидата священства, то епископъ съ готовностью посвятитъ его въ священный санъ. Когда окружное духовенство указываетъ епископу на одного изъ своихъ собратій, какъ на лицо достойное по преимуществу, епископъ пріобрѣтетъ въ немъ полезнаго помощника, въ качествѣ ли благочиннаго, депутата или члена консисторіи — пресвитерскаго совѣта. Но Церковь испытаетъ великое бѣдствіе, если приходъ получитъ право *требовать* отъ епископа обязательнаго поставленія въ священники избраннаго имъ лица. Равнымъ образомъ Церковь пошатнется въ своихъ устояхъ, если духовенство получитъ право составлять церковно-правительственныя учрежденія вопреки волѣ епископской. И въ томъ и въ другомъ случаѣ власть епископская фактически упраздняется, а церковное дѣло окажется игрушкой партійной борьбы. Не священникъ будетъ пастыремъ прихода, а приходъ будетъ пастыремъ священника, будетъ гнать овцу— священника по тому направленію, какое окажется угоднымъ главарямъ прихода. Не епископъ будетъ управлять пастырями, а пастыри, орудія главарей прихода, будутъ обязывать епископа дѣлать угодныя имъ распоряженія. Неизбѣжный результатъ такого порядка — церковная анархія.

Это не предположенія. Мы уже видимъ и въ церковной области дѣйствіе этихъ силъ и живемъ наканунѣ ихъ развитія. Обнаруженіе этого анархическаго теченія уже дали въ истекшемъ учебномъ году и даютъ въ наступившемъ наши духовныя семинаріи. Въ печать проникъ слухъ, что истекшимъ лѣтомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ съѣздъ семинаристовъ, который постановилъ добиться коренной реформы семинарій посредствомъ всеобщей забастовки. Повидимому, слухъ этотъ вѣренъ. Уже забастовали симинаріи воронежская, тифлисская и харьковская. Какія же требованія выставляютъ семинаристы въ своихъ петиціяхъ? Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ (цитуемъ не текстуально, по-памяти). Ни одинъ семинаристъ не долженъ быть увольняемъ безъ участія въ этомъ актѣ депутатовъ отъ семинаристовъ. Ученическая библіотека должна быть въ безконтрольномъ завѣдываніи самихъ семинаристовъ, которые могутъ выбирать для руководства дѣломъ того изъ наставниковъ, кого они сами пожелаютъ. Семинаристы отлучаются изъ зданія безъ разрѣшенія начальства, только послѣ 7 часовъ вечера записываются въ особой книгѣ, куда они уходятъ (но

не испрашиваютъ на это разрѣшенія). Мы отмѣтили нѣсколько несущественныхъ, но очень характерныхъ требованій. Допустимъ, что они будутъ удовлетворены. Кто тогда будетъ начальникомъ семинаріи? Конечно, семинаристы. А зачѣмъ тогда нужны ректора и инспектора? Только по старой привычкѣ къ названіямъ.

И опять необходима оговорка. Реформа семинарій необходима, реформа коренная, потому что непригодность существующихъ семинарій слишкомъ очевидна. Но если эта реформа пойдетъ въ отмѣченномъ направленіи, нечего ожидать отъ нея, кромѣ воспитательной анархіи.

Скажутъ, это школьники. О, если бы это были только школьники? Къ глубокому прискорбію, за школьниками стоятъ многіе родители, имъ сочувствуютъ даже нѣкоторые наставники, они находятъ ободреніе даже въ нѣкоторыхъ органахъ печати, читаютъ одобреніе между строкъ даже въ духовныхъ органахъ. Школьники! Но вѣдь это будущіе пастыри! На школьной скамьѣ, еще не зная практической жизни, они уже впитали въ себя атмосферу анархизма и съ этимъ выступятъ на пастырское служеніе. Развѣ это не ужасно?

Мы отмѣтили связь этого движенія въ духовенствѣ съ современнымъ общественнымъ настроеніемъ. Но помимо этого оно, такъ сказать, питается спеціальными причинами. До сихъ поръ духовенство въ общемъ было безправнымъ сословіемъ. Ему не позволялось вслухъ высказывать даже самыя законныя свои желанія. Теперь возможность подать свой голосъ оказалась чѣмъ то неожиданнымъ. «Приниженные, придавленные офиціей, мы боимся свободно высказаться,—нѣтъ довѣрія, испытываешь такое чувство, какъ птица, только что выпущенная изъ клѣтки, не вѣритъ своей свободѣ и нѣсколько секундъ сидитъ на мѣстѣ. А что если за высказанныя мысли, идущія прямо отъ сердца, да въ Бѣлозерскій монастырь?! Мы воспитаны и живемъ по предписаніямъ и указамъ Начальства, отвѣчаемъ на вопросы, не смѣя имѣть своего сужденія, и вдругъ — не угодно-ли высказаться и о Синодѣ и о Консисторіи и о благочинныхъ (даже оторопь беретъ — не сонъ-ли это?), о реформѣ духовныхъ школъ. А что если о.о. члены духовной консисторіи узнаютъ, что такой-то выразился что слѣдуетъ секретаря и всѣхъ членовъ смѣнить и замѣнить ихъ выборными пресвитерами»? Это не выдуманная тирада, а

взятая изъ письма одного почтеннаго священника. Не ясно ли изъ нея, какое настроеніе, какое отношеніе къ начальству продиктовало эту тираду? И это при самомъ добромъ отношеніи къ Церкви и ея задачамъ. Задача церковной власти состояла въ томъ, чтобы призвать такихъ священниковъ и выслушать отъ нихъ живыя впечатлѣнія пастырства и, руководствуясь ими, облегчить духовенству его работу, помогая ему въ духовномъ дѣланіи, а не затрудняя его запретами и формальностями. Но такого отношенія въ недавнемъ прошломъ не было, и вслѣдствіе этого между бѣлымъ духовенствомъ и церковной властью установились холодныя отношенія, чуждыя взаимнаго довѣрія.

Если эти отношенія угнетаютъ пастырей уравновѣшенныхъ, умѣющихъ отличать дѣло отъ лицъ, Церковь отъ ея наличныхъ руководителей, то людей нервныхъ и невыдержанныхъ это ведетъ къ протестантскому походу и противъ власти вообще и противъ епископской власти въ частности. «Есть глубокая психологическая необходимость въ томъ, что первыя проблески раскрѣпощенія личности въ названной средѣ даютъ, какъ исковерканный плодъ, какихъ-нибудь Гапоновъ» («Слово» 1905, № 271, ст. Рцы — «Моисей и Ааронъ»). Намъ представляется, что и желаніе фактически упразднить епископскую власть вытекаетъ изъ той же психологической необходимости и что при спокойномъ обсужденіи реформы Церкви «на каноническихъ основаніяхъ» само бѣлое духовенство пойметъ крайности отмѣченнаго выше теченія. Хотѣлось бы при этомъ, чтобы представители епископской власти поняли такъ именно это неблагопріятное для нихъ теченіе и не старались задавить его запрещеніями, а истинно отеческимъ отношеніемъ къ своимъ соработникамъ уничтожили давно «накипѣвшее» раздраженіе. Только тогда возможно настоящее оживленіе церковной жизни, безъ политиканства и партійности.

А время требуетъ такого именно оживленія. Пастыри Церкви должны войти въ общественную сумятицу — не за тѣмъ, чтобы принять участіе въ общей свалкѣ, а за тѣмъ, чтобы громко возвысить свой голосъ за миръ и любовь. Пусть на знамени священника не будетъ никакой политической надписи, онъ долженъ войти въ разбушевавшуюся толпу съ Крестомъ и Евангеліемъ. Безъ этихъ знаменъ страшно ста-

новится за многострадальную родину. Какой-то вихрь закружилъ ее, и не видно еще просвѣта. Ждали конца войны— думали, что тогда можно спокойнѣе разрѣшить назрѣвшіе вопросы внутренней жизни. Но за «миромъ» послѣдовала еще болѣе жестокая внутренняя война. А тѣ общественные дѣятели, которые изъ любви къ Россіи и ради ея процвѣтанія рѣзко возставали противъ правительства, на общеземскомъ Московскомъ съѣздѣ пришли къ мысли о желательности раздѣленія родины на автономныя государства и образованія изъ нея федераціи. Рядомъ съ этимъ учащаяся молодежь, добившаяся автономіи высшихъ учебныхъ заведеній, обратила ихъ въ политическіе клубы и подвергла остракизму лучшія научныя силы, не считавшія забастовку полезною для общественнаго развитія. Кумиры этой молодежи—ректора университетовъ, выбранные автономными совѣтами университетовъ, ничего не могутъ сдѣлать для водворенія мира и для открытія правильныхъ занятій въ высшихъ школахъ. Но движеніе на этомъ не останавливается. Мы знаемъ уже случаи забастовокъ въ низшихъ школахъ. Ученики не хотятъ заниматься послѣ увольненія учителя за политическую антиправительственную пропаганду и подвергаютъ бойкоту его ни въ чемъ неповиннаго преемника. Страшное время! И неудивительно, что сильные люди не выдерживаютъ напряженія и умираютъ, не увидѣвши того правового порядка, ради котораго они ратовали предъ правительствомъ. Такъ умеръ кн. С. Н. Трубецкой, надѣявшійся на успокоеніе учащейся молодежи послѣ объявленія университетской автономіи. Надежды не сбылись, и Трубецкой внезапно умеръ, повидимому, отъ пережитаго внутренняго потрясенія. Что ждетъ насъ въ будущемъ? Неужели разложеніе страны? Хочется вѣрить, что вся эта муть пройдетъ, что здоровые жизненные соки переработаютъ эту накипь. Но и въ такомъ случаѣ — сколько уже погибло, сколько еще погибнетъ человѣческихъ жизней, прежде чѣмъ мы дождемся мирнаго развитія страны! А вмѣстѣ съ этимъ, сколько еще потрясеній испытаетъ Церковь отъ своихъ сознательныхъ и безсознательныхъ враговъ!

Вотъ почему церковные дѣятели—всѣ должны соединиться вмѣстѣ: и архипастыри, и пастыри, и міряне. Задача одна у всѣхъ—дать народу духовное успокоеніе и повести его къ

устроенію общественной жизни на началахъ взаимной любви и мира.

Но чтобы осуществить эту великую общественную миссію, необходимо въ самомъ строѣ церковнаго управленія, уничтожить тѣ тренія, которыя задерживаютъ пастырское дѣланіе. Теперь въ епархіяхъ обсуждаются проекты церковныхъ преобразованій, которыя именно и должны уничтожить эти тренія. Дай Богъ, чтобы эта работа пошла при взаимномъ довѣріи и чтобы изъ многочисленныхъ церковныхъ голосовъ создался одинъ согласный голосъ Церкви, который и нашелъ бы свое выраженіе на Всероссійскомъ церковномъ соборѣ!

VIII.

Весьма неудобно обозрѣвать жизнь за такой мѣсяцъ, какъ минувшій октябрь. Онъ одинъ стоитъ десятилѣтій. Немыслимо охватить въ одномъ краткомъ обозрѣніи всѣ необычайныя событія этого мѣсяца. Небывалая политическая забастовка, остановившая въ громадной странѣ нормальное біеніе народнаго пульса и доведшая до высшаго напряженія общественное недовольство существующимъ строемъ, разрѣшилась манифестомъ 17 октября, провозгласившимъ великія начала свободы совѣсти, слова, союзовъ и неприкосновенности личности и давшимъ народу право представительства въ управленіи и законодательствѣ. Но этотъ величайшій актъ, о которомъ не снилось даже радикальнымъ дѣятелямъ два года тому назадъ, не умиротворилъ страны. На многочисленныхъ митингахъ и въ демонстративныхъ процессіяхъ крайніе элементы либеральнаго общества требовали упраздненія монархіи и образованія республики. Свобода слова повела къ крайне рѣзкимъ рѣчамъ противъ всего, что еще вчера защищалось оружіемъ; а всякая критика такихъ рѣчей встрѣчалась глумленіемъ и свистомъ. Обыватель, устремившійся на митинги по новизнѣ дѣла и стадности, выходилъ оттуда совершенно ошеломленный, протирая глаза, чтобы убѣдиться, не сонъ ли все это. Растерянность и ошеломленность проходили и появлялось раздраженіе на все — и на старый порядокъ и на новыхъ героевъ. Но казалось, что еще не скоро это недовольство приведетъ къ взрыву негодованія и отпору крайнимъ элементамъ. И вдругъ страшная катастрофа разразилась черезъ день — черезъ два послѣ объявленія манифеста. Начались такіе погромы и дикія расправы съ революціонными элементами общества, которые не кажутся ужаснымъ сочи-

неннымъ кошмаромъ, а признаются дѣйствительными фактами только потому, что эти факты произошли на глазахъ всѣхъ, вырвавши тысячи жизней и обездоливши милліоны людей. Какъ это произошло такъ быстро и почему бѣда выразилась въ однородныхъ преступленіяхъ, объ этомъ общество достовѣрно узнаетъ, быть можетъ, изъ производимаго слѣдствія. Теперь же невозможно произнести судъ надъ массовымъ преступленіемъ, потому что оно далеко еще не окончилось, а, повидимому, разростается, лишь принимая новыя формы. За городскими погромами начинается стихійное аграрное движеніе, грозящее смыть съ лица родной земли всю культуру и превратить ее въ чистое поле для будущей созидательной работы. Начался тотъ русскій бунтъ — «безсмысленный и безпощадный», котораго такъ боялись люди, порицавшіе освободительное движеніе не изъ-за эгоистическихъ разсчетовъ, а изъ соображеній общей пользы, — люди, полагавшіе, что необходимо дать народу коренную реформу, подготовивши его къ правильному пониманію новыхъ правъ. Теперь же, когда верхи общества на пять столѣтій ушли впередъ отъ низовъ, реформа, кажущаяся уже недостаточною для верховъ, какъ снѣгъ на голову свалилась на низы. Если въ массѣ раздается объясненіе, что свобода совѣсти означаетъ возможность каждому дѣлать все, что угодно, то можно ли ждать, что народъ скоро впитаетъ въ себя блага новаго порядка? Неудивительно послѣ этого, что объявленіе неприкосновенности личности сопровождалось и сопровождается такимъ вопіющимъ поруганіемъ личности. Поэтому явилась нужда въ разъясненіяхъ манифеста, воззваніяхъ къ спокойствію и призывахъ къ мирному труду. И сколько появилось этихъ воззваній! Но не говоритъ ли одно ихъ количество объ ихъ безсиліи остановить движеніе? Быть можетъ, воззванія къ миру и подробныя объявленія манифеста были бы болѣе умѣстны при самомъ изданіи манифеста, когда страсти народной массы не были разбужены революціонными дѣятелями. А теперь это часто запоздалыя увѣщанія, успѣхъ которыхъ сомнителенъ. Итакъ радоваться ли манифесту 17 октября? Будемъ откровенны и скажемъ за себя лично: нѣтъ не радость, а печаль принесъ странѣ этотъ великій актъ свободы. Странѣ давно нужна реформа, но строго обдуманная и планомѣрно осуществленная, а не вынужденная смутой и ведущая къ еще

большей смутѣ. Говорятъ, что такъ бываетъ вездѣ во время революціоннаго движенія,—это муки рожденія, избѣжать которыхъ нельзя. За мучительнымъ актомъ родовъ слѣдуетъ новая жизнь — свободныхъ русскихъ гражданъ. И будущій историкъ напишетъ 17 октября какъ міровой прогрессивный шагъ, пресѣкшій возвратъ къ старому порядку. Это весьма вѣроятно. Но то будетъ судъ историка, который не увидитъ этихъ потоковъ крови, этихъ погромовъ и пожаровъ. Можемъ ли такой судъ произносить мы — очевидцы этихъ событій? Такой судъ произносится передовыми русскими дѣятелями. Правда, съ энтузіазмомъ этотъ судъ провозглашался лишь въ первые дни послѣ изданія манифеста; послѣдовавшія затѣмъ кровавыя сцены нѣсколько поумѣрили жару. Но смыслъ приговора остается прежній, и автору этихъ строкъ кажется, что такой приговоръ не-христіанскій. Въ дни, когда объявлена неприкосновенность личности, полное попраніе ея правъ стоитъ какъ неумолимый судъ надъ обществомъ, а забвеніе потоковъ крови и пренебреженіе къ милліонамъ голодающихъ и обездоленныхъ свидѣтельствуетъ, что борьба за высшіе политическіе идеалы заглушила въ борцахъ чувство состраданія. И опять приходится повторять, что русское общество войною подготовилось равнодушно относиться къ смерти ближнихъ, не видитъ ужаса въ массовыхъ убійствахъ. Это показатель нравственнаго притупленія и одичанія.

Въ такія минуты, когда страсти кипятъ и заглушаютъ голосъ разума, хотѣлось бы услышать сердечное слово любви и разума, не отуманенное партійными увлеченіями. Хотѣлось бы увидѣть христіанскихъ пастырей среди разбушевавшейся толпы, но не съ флагомъ какого бы то ни было цвѣта, а съ крестомъ и евангеліемъ. Любовь и миръ — вотъ платформа, которая должна бы опредѣлить дѣятельность пастыря. Вѣчность человѣческаго духа, неприкосновенность личности во имя ея вѣчнаго значенія—вотъ основы этой платформы. Старая тема, старые разговоры. Да, старые. И знаю, что для многихъ скучные, отсталые. Передовое духовенство выступило на новый путь — освободительнаго политическаго движенія и привлекло къ себѣ симпатіи общества. И масса духовенства, повидимому, думаетъ, что нужна политическая работа духовенства; правда, большинство еще думаетъ, что эта работа должна быть охранительною. Но это вопросъ времени и го-

сподствующаго въ народѣ направленія. Мы уже наблюдали многочисленные случаи удивительныхъ превращеній вчерашнихъ консерваторовъ въ нынѣшнихъ борцовъ за освободительное движеніе. Повторяемъ, важно установиться общему принципу — что духовенство должно принять непосредственное участіе въ политикѣ; а этотъ принципъ, повидимому, устанавливается. И когда убѣждаешься въ этомъ, — невольное раздумье и сомнѣнье овладѣваетъ душою: можетъ быть, мы ошибались, разсуждая все время иначе? Можетъ быть, работа передового духовенства и есть настоящая общественная дѣятельность христіанскихъ пастырей, не способныхъ равнодушно смотрѣть на происходящее кругомъ?..

Но вотъ экзаменъ—участіе духовенства въ происходящемъ политическомъ движеніи. Участіе далеко не холодное, хотя и не одинаковое по идеаламъ. На экзаменѣ обнаружилось, что русское духовенство плоть отъ плоти русскаго народа. Какъ и послѣдній, оно раздѣлилось на партіи, примкнувши одною частью къ направленію «Московскихъ Вѣдомостей», другою— къ направленію либеральныхъ изданій. Средина — быть можетъ большинство—осталась неопредѣленною, какъ и средина общества. Но какъ заявили себя опредѣлившіяся партіи? Ихъ работа оказалась однобокою. Извѣстная проповѣдь, прочитанная въ церквахъ Москвы, по распоряженію Московскаго епархіальнаго начальства, своими рѣзкостями въ обрисовкѣ дѣятелей революціи не помилована, какъ подстрекательство народа противъ интеллигенціи. Если бы здѣсь шла рѣчь о публицистическомъ воззваніи мірянина, — мы бы сказали: это обвиненіе несправедливо. Въ борьбѣ не справляются съ тономъ выраженій, и самые передовые борцы за неприкосновенность личности на митингахъ 18 и 19 октября забрасывали грязью защитниковъ стараго режима, — «въ дракѣ волосъ не жалѣютъ». Неудивительно, что консервативная сторона оказывается неразборчивою въ средствахъ, — такой разборчивости и чистоплотности нѣтъ и въ самыхъ либеральныхъ изданіяхъ. Но дѣло мѣняется, когда рѣзкое слово хулы, продиктованное политическою страстью, раздается съ церковной каѳедры. Сторонники политической дѣятельности духовенства мечтали о дѣятельности либеральной и сами стоятъ въ ряду либеральныхъ дѣятелей. Но важенъ здѣсь принципъ — прямого вмѣшательства пастырей въ политику: допуская его,

слѣдуетъ предвидѣть и считать законною и либеральную и консервативную агитацію духовенства, — каждый пастырь будетъ работать по мѣрѣ политическаго разумѣнія, думая, что оно вытекаетъ изъ христіанскихъ побужденій. Вездѣ составитель указаннаго слова былъ, конечно, убѣжденъ, что радикалы — враги законности и порядка, а охранители внѣшняго порядка—защитники мирнаго развитія страны. Но не въ томъ же ли положеніи постоянно оказываются люди новой партіи въ духовенствѣ, идущіе въ ногу съ борцами за свободу? Они сливаются въ одну армію съ людьми, добывающими свободу мечомъ; но что еще важнѣе — они не могутъ не сознавать, что ихъ политическіе союзники въ громадномъ большинствѣ— ихъ идейные враги. Они, конечно, руководствуются тѣми же побужденіями, какія высказалъ проф. С. Булгаковъ въ статьѣ — «Неотложная задача» (Вопросы жизни, 1905, сентябрь). Ратуя за основаніе «Союза христіанской политики» и сознавая, что борцы за свободу «сплошь примыкаютъ къ господствующему теченію атеистическаго гуманизма», онъ призываетъ сторонниковъ новаго союза «оказывать прогрессивно-демократическимъ партіямъ всяческое содѣйствіе въ достиженіи общихъ практическихъ цѣлей, если нужно и возможно—вступать для этой цѣли въ прямой союзъ съ ними» (стр. 358). Фактически этотъ союзъ нѣкоторыми пастырями давно осуществляется и создаетъ шумную популярность союзникамъ—пастырямъ. И теперь для весьма многихъ этотъ союзъ кажется весьма полезнымъ для общества и церкви. Нужно пройти захватившей всѣхъ волнѣ общественнаго возбужденія, чтобы спокойно и безпристрастно судить о результатахъ этого союза. Это результаты всякаго компромисса: если одна изъ сторонъ не откажется отъ своихъ идейныхъ отличій, она въ концѣ концовъ вызоветъ противъ себя ненависть другой. Но это будетъ потомъ. А пока, въ текущую страстную минуту, пастыри новаго теченія постоянно испытываютъ фальшивое положеніе или подвергаются страстнымъ нападкамъ со стороны случайныхъ союзниковъ, если лткаэываются отъ компромисса. Какую бурю негодованія подули борцы за свободу противъ преосвящ. Сергія за отказъ тоожить паннихиду по кн. С. Трубецкомъ?! За что? За то, ьсякархипастырь отказался дѣлать изъ молитвы политическую ноденстрацію, какъ объяснилъ самъ онъ въ письмѣ, напеча-

танномъ далеко не во всѣхъ изданіяхъ, осудившихъ его поступокъ. Но здѣсь пастырь не пошелъ на компромиссъ. А вотъ болѣе грустные факты. Когда указанная выше проповѣдь, по распоряженію Московскаго епархіальнаго начальства, была произнесена въ Московскихъ церквахъ и вызвала бурю негодованія въ борцахъ за свободу, нѣкоторые московскіе пастыри унизились до того, что прислали въ редакціи либеральныхъ газетъ заявленія, что они не раздѣляютъ мыслей этой проповѣди, а прочитали ее, только исполняя приказаніе начальства. Жалкіе люди! Зачѣмъ же вы не пошли къ этому начальству и не заявили ему, а не редакціямъ антицерковныхъ газетъ, и не послѣ, а до прочтенія проповѣди, — что вы не согласны съ мыслями и выраженіями, употребленными въ ней? То былъ бы сыновній, а не рабскій голосъ пастыря, думающаго, что Богу слѣдуетъ повиноваться болѣе, чѣмъ человѣку, хотя бы и поставленному Церковью управлять вами. То было бы христіанское мужество и оно, быть можетъ, удержало бы начальство отъ неосторожнаго шага, не роняя его и не отдавая на глумленіе и издѣвательство невѣрующихъ людей. А теперь вы вдвойнѣ жалки: вы произнесли проповѣдь, мыслей и выраженій которой не раздѣляли и послѣ этого не постыдились бросить камень въ того, вина котораго, быть можетъ, состояла только въ неразсчетливости и томъ смѣшеніи церкви и государства, которымъ и всѣ вы страдаете. Зачѣмъ вы бросили этотъ камень? Конечно, затѣмъ, чтобы оправдать себя. И вы достигли цѣли. Васъ оправдываютъ дѣятели освобожденія, чтобы усугубить вину нелюбимаго ими архипастыря. Но будетъ судъ исторіи, нелицепріятный судъ. Этотъ судъ снисходительнѣе отнесется къ революціонерамъ-священникамъ, чѣмъ къ вамъ, трусливо оберегающимъ свое «доброе» имя! Церковь обвиняютъ въ томъ, что она всегда идетъ въ хвостѣ освободительнаго движенія. Къ вамъ прежде всего относится это тяжкое слово, потому что вы сегодня осуждаете то, что вчера читали съ церковной каѳедры, въ душѣ холодные и къ вчерашнему и къ нынѣшнему.

Послѣ 17 октября появилось много пастырскихъ проповѣдей и воззваній съ объясненіемъ манифеста. Тяжелое настроеніе не облегчалось отъ чтенія этихъ литературныхъ произведеній. Въ нихъ высказывались здравыя мысли — о христіанской свободѣ, о неприкосновенности всякой личности.

Но рядомъ съ этимъ сквозитъ желаніе доказать, что манифестъ о свободѣ необходимъ населенію. Святая истина. Но не поздно ли было высказывать ее? Не въ хвостѣ ли шли и эти церковные дѣятели? 17 октября я слушалъ въ церкви проповѣдь о пользѣ для русскаго народа стараго строя, а 18—21—раздавались рѣчи съ церковной каѳедры о пользѣ новаго политическаго курса. Это ли не тяжкій урокъ сторонникамъ политической дѣятельности духовенства? Они скажутъ, что это не самостоятельная дѣятельность, а прислуживаніе наличному строю. И это правда. Но этой горькой правды не было бы, еслибы пастырь отказался отъ политики, а при каждомъ новомъ манифестѣ, при каждомъ переворотѣ помнилъ одну задачу — призывалъ паству всегда ставить Божье выше человѣческаго, т. е. при проведеніи новаго акта въ жизнь провѣрять себя вѣчными законами Евангелія, завѣтами любви, мира и внутренней свободы. И когда самому пастырю пришлось бы войти въ толпу, его поднятый *надъ* толпой крестъ указалъ бы политическимъ дѣятелямъ вѣрный критерій ихъ дѣятельности.

Недавно съ радостью пришлось прочитать объ одномъ фактѣ *такой* дѣятельности духовенства Петербургскаго. Живя въ провинціи, мы не ручаемся за вѣрное пониманіе его мотивовъ; но въ самомъ фактѣ видимъ отзвуки христіанской общественности, а не политической агитаціи. Это ходатайство 50 петербургскихъ священниковъ, чтобы ихъ архипастырь — митрополитъ Антоній пошелъ къ Государю печальникомъ за Кронштадтскихъ матросовъ, о массовыхъ казняхъ которыхъ разнеслась тревожная вѣсть. Это пастырскій путь, которымъ шли лучшіе русскіе святители стараго времени. И архипастырь, по газетнымъ свѣдѣніямъ —согласившійся просить Государя о помилованіи взбунтовавшихся матросовъ, выступитъ не какъ политическій дѣятель, а какъ глашатай Евангельской истины о вѣчномъ достоинствѣ каждой человѣческой личности. И еслибы печалованіе за паству было обычнымъ искреннимъ выраженіемъ общественныхъ обязанностей духовенствомъ, оно послужило бы болѣе дѣлу освободительнаго движенія, чѣмъ прямое участіе духовенства въ политикѣ. А вмѣстѣ съ тѣмъ оно спасло бы духовенство отъ тѣхъ ложныхъ шаговъ, какіе наблюдаются въ его дѣятельности въ настоящее время. Наконецъ, такая форма общественной дѣятельности была бы

яснымъ подтвержденіемъ той истины христіанства, что основа истиннаго прогресса не въ политическихъ формахъ, а въ развитіи человѣческихъ настроеній.

Мы говоримъ о печалованіи въ широкомъ смыслѣ, только взявши въ примѣръ печалованіе предъ Царемъ. Происходитъ ли избіеніе евреевъ невѣжественной толпою, издѣвается ли просвѣщенный ораторъ на митингѣ надъ православіемъ, какъ гнусностью, громятъ ли крестьяне имущество помѣщика, учиняетъ ли расправу отрядъ казаковъ, — вездѣ нужно печалованье священника, но не какъ похоронная пѣснь, оплакивающая совершившееся несчастье, а какъ чуткое слово предупрежденія, искренностью и горячностью погашающее только что начинающійся пожаръ.

VIII.

Гражданская война. Это уже не угроза, а совершающійся фактъ. Стихійное аграрное движеніе, выражающееся въ погромахъ и разграбленіяхъ помѣщичьихъ усадебъ, грозитъ перейти въ организованное возстаніе крестьянства противъ состоятельныхъ классовъ и правительства. Задачу организаціи принимаетъ на себя крестьянскій союзъ. Недовольство рабочаго пролетаріата своимъ экономическимъ и правовымъ положеніемъ выливается въ могучіе своею сплоченностью союзы, грозящіе сдѣлаться фактически русскимъ правительствомъ, взамѣнъ обезсиленнаго законнаго правительства. Матросскіе и солдатскіе бунты принимаютъ какой-то эпидемическій характеръ. Это гроза самая страшная не только для правительства, но и для всего общества, потому что дезорганизованная армія способна окончательно расшатать тотъ мирный строй общественной жизни, который обезпечиваетъ мирный трудъ, т. е. нарощеніе народнаго капитала, питающаго народъ. И надъ всѣми этими ужасами какой то безшабашный разгулъ «свободнаго» слова, не останавливающагося предъ подстрекательствомъ населенія къ вооруженному возстанію противъ власти и къ неуплатѣ налоговъ и повинностей, предъ самымъ возмутительнымъ глумленіемъ не только надъ правительствомъ, но и надъ святѣйшими тайнами вѣры.

А «благоразумные» элементы населенія ограничивались до сихъ поръ только охами да ахами. Теперь они организуются въ союзы «17 октября», «Правового порядка», «Торгово-Промышленный», «Землевладѣльческій» и др. Но не замѣтно признаковъ особой силы и вліянія этихъ союзовъ, сравнительно съ революціонными. Почему? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ И. Гофштеттеръ,—публицистъ консервативнаго лагеря, скорбящій о разложеніи и возможной гибели Россіи

Онъ справедливо указываетъ, что на знамени всѣхъ этихъ союзовъ написаны только слова: «Да здравствуетъ тишина и спокойствіе»! И спокойствіе и тишина—безконечно цѣнныя вещи, но въ политическомъ смыслѣ они совершенно безсильны, потому что неспособны вызвать въ душѣ никакого энтузіазма. И правильное пищевареніе тоже очень цѣнная вещь, но попробуйте составить во имя его новую политическую партію. Навѣрное, потерпите неудачу. Дѣло въ томъ, что политическая борьба требуетъ самопожертвованія, и хотя жить на свѣтѣ безъ хорошаго пищеваренія тяжело, но жертвовать жизнью изъ-за него было бы просто глупо, ибо оно дано для жизни, а не жизнь для него. Тоже можно сказать и относительно тишины и спокойствія. Непріятно, когда ихъ нарушаютъ, но для того, чтобы отстаивать ихъ какою бы то ни было цѣной, надо свой возвышенный гражданскій энтузіазмъ свести къ усердію добросовѣстнаго городового. Для энтузіазма необходимо нѣчто большее, чѣмъ жизнь, высшее, чѣмъ она. На одной обывательской благонамѣренности государства не построишь. Она годится только для того, чтобы поддерживать существующее хорошее, но не для того, чтобы обновить и улучшить то, что признано никуда не годнымъ. Ея лозунги и требованія въ высшей степени справедливы, но въ такой же мѣрѣ и безвластны надъ сердцами. Въ нихъ нѣтъ силы безумной мечты, во имя которой люди способны гибнуть на баррикадахъ и на гильотинахъ... Именно эта вялость сердецъ, эта внутренняя импотентность воодушевляющихъ лозунговъ и дѣлаетъ ихъ такими безсильными, такими ничтожными». Трудно спорить съ этимъ суровымъ приговоромъ. Впрочемъ, авторъ не видитъ творчества и въ революціонныхъ союзахъ, хотя и признаетъ за ними великое преемущество предъ умѣренными партіями въ ихъ энтузіазмѣ и самозабвеніи, въ ихъ способности пожертвовать своимъ благополучіемъ, лишь бы побѣдить врага—правительство. Отсутствіе творческихъ силъ въ революціонныхъ партіяхъ, какъ и въ самомъ правительствѣ, авторъ объясняетъ ихъ оторванностью отъ народной стихіи, «которая одна только и можетъ служить прочнымъ фундаментомъ государственнаго строительства... Нищая духомъ интеллигенція всѣхъ направленій не обрѣтаетъ въ своемъ сердцѣ ничего, что нужно для государственной жизни ея народа... Интеллигенція и народъ—существа разныхъ измѣреній.

Мы жили розно, розно погибаемъ. Мы, правящая, служилая и прислуживающаяся интеллигенція, исчезнемъ, какъ Самсонъ, подъ развалинами разрушеннаго нами храма, но народъ-то вѣдь останется и послѣ насъ будетъ строить что-то новое, что-то грандіозное и величественное, какъ онъ самъ, объединившись вокругъ какой-нибудь идеи и какого-нибудь имени. Кто же объединитъ его? Кто будетъ въ силахъ совершить эту колоссальную работу обновленія и возрожденія? Повѣрьте: ни русскій Бонапартъ и, тѣмъ болѣе, ни германскій Вильгельмъ, который черезъчуръ умѣнъ для того чтобы ринуться въ рискованнѣйшую изъ авантюръ. Россію спасетъ не увѣнчанный лаврами полководецъ, не геніальный администраторъ, не ученѣйшій соціологъ, не великій политикъ, нѣтъ—спасти ее можетъ только пророкъ, настоящій духовный вождь своего народа, его проникновенный истолкователь, который разрѣшитъ загадку этого таинственнаго сфинкса и воплотитъ въ законъ его невоплощенныя мечты, неуловимыя желанія. Прожитыя столѣтія были, въ сущности, сплошнымъ ожиданіемъ такого творчества, а столпившіяся надъ нашей головой національныя несчастія внятно говорятъ о близости его исполненія... Въ судорогахъ великихъ потрясеній, въ мукахъ неутѣшныхъ скорбей, среди потоковъ крови и пламени пожаровъ обреченная на гибель страна рождаетъ на свѣтъ своего избавителя» («Слово» 1905, № 312).

Это неумирающая славянофильская идея русскаго прогресса. И пока жива еще эта идея, русскій человѣкъ застрахованъ отъ отчаянія. Среди разрушающагося государственнаго строя, среди ужасовъ гражданской войны, потоковъ крови и пламени огня, онъ видитъ эту путеводную звѣзду и ради нея готовъ жить и съ мужествомъ переносить бѣдствія. Но реальна ли эта великая идея? Не есть ли это сентиминтальная мечта — ожиданіе національнаго возрожденія народа въ смыслѣ религіознаго преображенія и подъ предводительствомъ не политика и полководца, а пророка? Авторъ, согласно съ славянофилами, находитъ доказательство реальности этой идеи въ протекшей русской исторіи. «Это—народъ мистикъ, политическій отшельникъ, скромный страстотерпецъ своихъ побѣдъ и пораженій... Политически онъ даже не жилъ, не хотѣлъ и не стремился жить, а лишь охранялъ въ душѣ своей невидимые ростки будущей жизни, начала своей соб-

ственной загадочной культуры, терпѣливо несъ возложенный Богомъ крестъ и цѣлые вѣка покорно ждалъ какого то небеснаго знаменія и наступленія обѣтованной жизни. Вся его политическая исторія есть въ сущности исторія вѣковыхъ полумистическихъ чаяній. Тихая драма столѣтій, протекшихъ въ самоуглубленіи, не можетъ закончиться безсмысленнымъ водевилемъ слѣпой революціонной хулиганщины или жалкимъ крахомъ нашего мелкоразсудочнаго интеллигентнаго политиканства».

Намъ, ошеломленнымъ очевидцамъ этой хулиганщины и этого политиканства, не дано видѣть глуби народныя. Грязная накипь политическихъ страстей, охватившая ту часть народа, которая, какъ и интеллигенція, оторвалась отъ началъ народной жизни, скрываетъ отъ насъ неизсякающіе религіозные порывы массы. Смотря на то, что происходитъ на поверхности жизни, мы готовы сказать, что религія падаетъ въ народѣ, что народъ готовъ пойти за невѣрующей интеллигенціей. И мы, завидуя тому поколѣнію, которое увидитъ послѣдствія революціоннаго движенія и увидитъ преображеніе родины, сами въ великомъ смятеньи смотримъ на происходящее, боясь, не есть ли это конецъ Россіи. Еще годъ тому назадъ мы съ вѣрою смотрѣли на освободительное движеніе, какъ на обновленіе Родины; теперь нѣтъ увѣренности въ этомъ обновленіи. Славянофильская идея способна ободрить упадающій духъ, но для ея осуществленія нужно Божіе чудо. Русь не одинъ разъ спасалась чудомъ. Но чудо есть отвѣтъ на глубокій религіозно-нравственный порывъ. Его то мы и не видимъ. Быть можетъ, это зависитъ отъ того, что мы сами принадлежимъ къ той служилой интеллигенціи, которая ушла отъ народа, и живемъ среди этой же интеллигенціи, а не среди народа. Быть можетъ..., и дай Богъ, чтобы наша слѣпота носила такое объясненіе. Иначе жутко становится за будущее.

Мы не говоримъ уже о «правящей, служилой и прислуживающейся интеллигенціи», которая теперь менѣе всего думаетъ о религіозномъ преображеніи. Мы съ тревогой смотримъ на то, что происходитъ теперь въ духовенствѣ. Въ страшную историческую минуту, когда все разваливается и гибнетъ, чѣмъ оно заявляетъ себя? Правящее духовенство, въ лицѣ іерарховъ и ихъ помощниковъ по управленію, остается вѣр-

нымъ церковнымъ традиціямъ и желаетъ реформы Церкви на каноническихъ основаніяхъ. Но если такія преобразованія и дадутъ совершенныя формы церковнаго строя, то жизнь Церкви. отъ одного этого еще не обновится. Для Церкви еще важнѣе, чѣмъ для государства, внутреннее преобразованіе. А оно можетъ состоять только въ возрожденіи того творчески-религіознаго духа, который не только объединилъ бы вокругъ духовенства всю народную массу, но и далъ бы исходъ общественному преобразовательному стремленію. Такого возрожденія мы не замѣчаемъ. Конечно, это явленіе имѣетъ свои причины, и не у насъ только русскихъ и не въ нашей только Церкви оно переживается. Мы помнимъ безсильныя попытки преобразовать католическую церковь въ XV вѣкѣ, когда іерархія, сознавая уклоненія отъ каноновъ всего церковнаго организма—«во главѣ и членахъ», созывала большіе соборы. Соборы обсуждали, какъ произвести реформу, и на бумагѣ производили ее; но бумажная реформа была безсильна обновить жизнь. И нельзя винить сторонниковъ этихъ соборныхъ реформъ въ томъ, что они были неискренни, что они въ душѣ не писали преобразованій. Нѣтъ, они были только безсильны осуществить на дѣлѣ то, что считали безусловно необходимымъ въ теоріи. Когда одному такому церковному дѣятелю, говорившему о необходимости реформъ, его почитатели совѣтовали стать вождемъ реформаціоннаго движенія, онъ отвѣтилъ: «я старъ,—пусть дѣло реформы начнетъ человѣкъ съ молодыми силами» (за точными цитатами отсылаемъ къ «Исторіи христ. Церкви» Робертсона и Герцога въ переводѣ А. Лопухина). Дѣло, конечно, было не столько въ физической старости, сколько въ духовной старости, въ невозможности на дѣлѣ отказаться отъ того духовнаго «капитала,» съ которымъ человѣкъ сроднился въ долгіе годы жизни, и воспламениться новыми стремленіями до того, чтобы этимъ пламенемъ увлечь народную массу. Признавая теоритически необходимость реформы, такіе дѣятели желаютъ произвести ее такъ, чтобы она не только не задѣла каноническихъ законоположеній (что совершенно справедливо), но чтобы она не разрушила ничего и въ томъ укладѣ жизни церковной, который явился результатомъ уклоненій отъ каноновъ. Пусть оживится приходъ путемъ привлеченія прихожанъ къ участію въ избраніи членовъ клира и къ завѣдыванію

церковнымъ хозяйствомъ; но пусть это не посягаетъ на сословные интересы духовенства, которое попрежнему должно оставаться замкнутымъ классомъ, если не кастой, пользуясь церковными деньгами и на сословныя нужды. Пусть преобразуется духовная школа; но такъ, чтобы она выпускала и будущихъ медиковъ и юристовъ, давая имъ образованіе на церковный счетъ. Пусть преобразуется консисторія въ пресвитерскій совѣтъ; но этимъ переименованіемъ пусть и ограничится реформа. Пусть созываются соборы; но и они пусть не производятъ ломки въ сложившемся вѣками строѣ и т. д. Во всемъ этомъ нѣтъ того творческаго порыва, который заставляетъ человѣка совершенно забыть личные и сословные интересы, историческія предубѣжденія и страхи за то, что часть членовъ Церкви не такъ пойметъ реформу, какъ слѣдуетъ ее понять.

Но, можетъ быть, реформу способно дать молодое поколѣніе духовенства и главнымъ образомъ бѣлое духовенство? Эта мысль часто высказывается. Въ прежнихъ обозрѣніяхъ мы частію касались этого вопроса и указывали, что у насъ растетъ пресвитеріанское теченіе, идущее противъ канонической власти епископовъ. Если епископатъ боится послѣ реформъ потрясеній во внѣшнемъ бытѣ духовенства и народа, часто отождествляя бытъ сословія съ каноническимъ устройствомъ Церкви, то наше пресвитерство новаго типа часто забываетъ о канонахъ и рисуетъ будущую реформу такъ, какъ будто оно живетъ не въ православной Церкви, а въ лютерантствѣ. Психологически это объясняется тѣми униженіями, какія испытывало бѣлое духовенство въ прежнее время. Но странно было бы оправдывать психологическими причинами забвеніе православнымъ духовенствомъ того, что оно православное.

Однако это новое теченіе въ духовенствѣ не ограничилось усвоеніемъ началъ пресвитеріанства, а пошло дальше, увлекшись современнымъ освободительнымъ теченіемъ. Часть его не только одобряетъ въ сущности насильственныя дѣйствія разныхъ союзныхъ организацій, но и само готово организовать союзъ духовенства. Съ какими цѣлями? Конечно, для реформы Церкви; но для реформы въ духѣ пресвитеріанскомъ, а не чисто каноническомъ. Для этой цѣли организуются съѣзды безъ разрѣшенія епархіальной власти, даже вопреки ясно выраженной волѣ этой власти.

Параллельно съ этимъ идетъ, и уже въ оффиціальныхъ сферахъ, стремленіе къ автономіи академій [1]). Автономія есть независимость отъ епископовъ въ области управленія и научнаго изслѣдованія, — есть свобода богословской науки, независимость ея отъ церковной традиціи, возможность преподавать то, что осуждено Церковью. Этой ли автономіи домогаются духовныя академіи? Если этой, то зачѣмъ академіямъ быть православными? Не правильнѣе ли образовать свободные богословскіе факультеты при университетахъ, сложивши съ Церкви отвѣтственность за то, что можетъ быть преподано автономной наукою? Рядомъ съ этимъ есть мысль организовать союзъ педагоговъ всѣхъ духовныхъ школъ. Зачѣмъ? Чтобы сплотиться въ дружную армію, способную противустать страшному натиску невѣрія, обрушивающемуся на Церковь? Чтобы воспитать пламенныхъ борцовъ за христіанскую вѣру путемъ одушевленія теперь мертвой духовной школы живымъ религіознымъ настроеніемъ? Увы! Не для этого. А для того, чтобы защищать правовое положеніе духовныхъ педагоговъ, т. е. учителей сословныхъ школъ духовенства.

А раньше этихъ теченій создалось теченіе ученическое, направленное къ тому, чтобы уничтожить въ духовчой школѣ духъ церковности, сдѣлать ее только сословной гимназій, содержимой однако на церковный счетъ. И это теченіе теперь выразилось въ забастовкѣ почти всѣхъ семинарій и академій. А духовенство бѣлое рукоплещетъ этому теченію, привѣтствуя его въ газетахъ и особыхъ адресахъ и требуя отъ епархіальной властиудовлетворенія такихъ пунктовъ петицій, какъ напр., полнаго уничтоженія дисциплинарныхъ взысканій, допущенія въ ученическіи библіотеки изданій всѣхъ направленій, въ томъ числѣ и противорелигіозныхъ, необязательнаго посѣщенія богослуженія и т. п.

Да, духовное сословіе идетъ въ уровень съ вѣкомъ. И это особенно печально, потому что въ этомъ не только не видно признаковъ духовнаго творчества, но и той элементарной устойчивости въ убѣжденіяхъ, которая одна можетъ внушить уваженіе къ сословію. Пусть бы эта неустойчивость оказалась только въ политическихъ взглядахъ, — ее можно было бы извинить частью неподготовленностью, зависящею

[1]) Сегодня—4 дек.—получена телеграмма, что автономіи академіи рѣшена Св. Синодомъ въ положительномъ смыслѣ.

отъ законнаго невмѣшательства духовенства въ политику, частью разочарованіемъ въ томъ строѣ, который казался такимъ могучимъ, а оказался такимъ безсильнымъ. Но когда русское пастырство забываетъ основы православнаго пастырства, тогда оно ставитъ надъ собою могильный крестъ, и не отъ него ожидать возрожденія въ жизни православной Церкви. Да не подумаетъ читатель, что мы дерзаемъ ставить этотъ могильный крестъ надъ всѣмъ русскимъ духовенствомъ. Избави Боже! Это была бы преступная клевета на тысячи іереевъ Божіихъ, скорбно изливающихъ теперь свои молитвы предъ престоломъ Божіимъ и болѣющихъ сердцемъ отъ старыхъ и новыхъ недуговъ, губящихъ святое дѣло пастырства. А если бы это была не клевета, а правда, тогда не о чемъ было бы говорить, такъ какъ могила нѣма. Нѣтъ, въ русскомъ духовенствѣ множество искреннихъ служителей Божіихъ. Но они одиноки. Союзы съ боевой организаціей для уничтоженія каноническихъ правъ епископовъ они считаютъ преступными. А на пастырскихъ совѣщаніяхъ и съѣздахъ ихъ голосъ смолкаетъ предъ голосами новыхъ пастырей, идущихъ въ уровень съ вѣкомъ. Создается и въ Церкви то же положеніе, что въ государствѣ: тамъ—не смотря на то, что подавляющая масса населенія ждетъ мирной реформы на началахъ свободы и законности, ея голосъ, вслѣдствіе отсутствія организаціи, смолкаетъ предъ голосами крайнихъ партій, ведущихъ государство къ полному разрушенію; и здѣсь—слѣдуетъ ожидать того же. И тогда дѣло церковной реформы поведетъ если не къ разрушенію церковнаго строя, то къ церковному расколу.

Но новая партія духовенства есть живая партія въ противоположность старой?! Да, живая. Но оцѣнивать ее слѣдуетъ не съ этой точки зрѣнія. Когда я слушаю оратора, бичующаго церковныя нестроенія и излагающпроектъ реформы Церкви, я обращаю вниманіе не столько на его паѳосъ, сколько на ту основную, хотя иногда, замаскированную цѣль, къ которой онъ ведетъ слушателей. И если эта цѣль совершенно не затрогиваетъ *его* положенія—матеріальнаго и правового,—а клонится къ общему благу, я говорю себѣ: этого оратора слѣдуетъ внимательно слушать. Если же ораторскій пылъ подогрѣтъ желаніемъ отвоевать личныя или сословныя права, я съ сомнѣніемъ отношусь къ самому паѳосу. Въ горячихъ, иногда рѣзкихъ до неприличія рѣчахъ духовныхъ ора-

торовъ новаго типа я вижу orationem pro domo sua, а не безкорыстное стремленіе къ преобразованію Церкви. Это таже классовая борьба, которая создала многочисленные профессіональные союзы. И не отсюда ждать пророка, который бы не только преобразовалъ Церковь, но и повелъ народъ къ свѣтлому будущему. Пророка не вижу и дай Богъ, чтобы это зависѣло отъ моей слѣпоты духовной, а не отъ дѣйствительнаго оскудѣнія народа духовными вождями.

Но вождь необходимъ. Его настойчиво требуетъ разлагающееся общество. Безъ него безсильно сдѣлать что нибудь правительство. О немъ воздыхаютъ люди, вѣрующіе только въ духовное преображеніе народа. Или Россія должна погибнуть въ мучительной анархической агоніи, или она снова спасется, объединившись вокругъ великой нравственной идеи, увлеченная духовнымъ вождемъ.

4 Дек. 1905 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

★ 4 ИЮН 1959